

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

παράλιπομένων

Варвара
Малахиева-Мирович
Хризалида

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Варвара Григорьевна Малахиева-
Мирович**

Т. Нешумова

Хризалида. Стихотворения

**Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964776

Хризалида. Стихотворения: Водолей; М.; 2013

ISBN 978-5-91763-131-8

Аннотация

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович (1869, Киев – 1954, Москва) – автор почти четырех тысяч стихотворений. Первые ее сохранившиеся стихи датируются 1883-м годом, последние написаны за год до смерти. Подруга Льва Шестова и Елены Гуро, Даниила Андреева и Игоря Ильинского, переводчица Бернарда Шоу и «Многообразия религиозной жизни» Уильяма Джеймса, Малахиева-Мирович – старейший автор неофициальной литературы, оставшийся до конца дней верным символизму, но открывший внутри символистской системы возможности иронически отстраненного реалистического письма. Основу издания составил свод избранных стихотворений поэта, никогда

не появлявшихся в печати, а также единственная изданная при жизни книга стихотворений «Монастырское» (1923) и немногочисленные прижизненные публикации.

Содержание

РАННИЕ СТИХИ	13
«Задумчиво стою у райского порога...»	13
«Кончен день бесполезной тревоги...»	14
«Тихо плачут липы под дождем...»	15
«Как тихо. Оливы сплетают...»	16
«В серебре пушистом инея...»	17
«Шевелится дождик под окном...»	20
«Я люблю полусон...»	22
ОСЕНЬЮ[8]	23
I. «Тихо шиповник коралловый...»	23
II. «Золотясь и пламенно краснея...»	24
ЖАННА АСКУЭ[9]	25
СУМЕРКИ[10]	28
БЕЛАЯ НОЧЬ[11]	29
ДЕТСТВО	31
«В полдень жарко смола растворяется...»	32
«Упала ночь горячей тенью...»	33
«Нежная былинка тихо задрожала...»	35
«Седая изморозь ложится на траву...»	36
«Перед грозой...»	37
В КАМЫШАХ[14]	38
«Когда живешь в своей пустыне...»	40
«Белеют призрачно березы...»	41

ИЗ КНИГИ ИОВА	43
ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА	44
«Испугано сердце твоей красотой...»	46
«Лететь, лететь, но не во сне...»	48
«Живая лазурь над вершинами елей...»	49
«Коршун всё ниже, всё ниже кружится...»	50
ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО[20]	51
«Больная нежная заря...»	52
«Я умираю, умираю...»	53
ПЕРЕД ГРОЗОЙ[22]	55
ТРИ ПАРКИ[23]	56
«Не всё ли равно, где умирать...»	57
«Опасно сердце открывать...»	58
«Такая тишина, что ловит чуткий слух...»	59
«Мой спутник, светлый и таинственный...»	60
«Колыбель моя качается...»	61
«О дух, исполненный гордыни...»	62
«О листья, листья золотые...»	63
«Жизнь твоя – чаша хрустальная...»	64
«Это ветер, ветер позёмный...»	65
«Если с ветки упала жемчужина...»	66
«Еще, еще один стремительный...»	67
«Когда я с тобой говорила...»	68
«Не троньте эту былинку, не рвите...»	69
«Когда сознание не вмещает...»	70
«Здесь, на этом камне придорожном...»	72

«И снилось мне, что надо мною...»	73
«Кипят мои наговорные травы...»	74
«Смотрит месяц к нам в окошко...»	76
«Мне снится часто колыбель пустая...»	77
«Когда в полночный час младенца Самуила...»	78
УПАВШЕЙ СОСНЕ[34]	79
«Ловлю потаенные знаки...»	80
«Паруса утопают крылатые...»	81
«О, печальные спины покинутых людей...»	82
«На песках бесплодных у моря...»	83
«Велико избрание быть красивым...»	84
«Мы утонули в свете первозданном...»	85
«Сомкнулись воды надо мною...»	86
СТРАСТЬ[38]	87
«Всё триедино во Вселенной...»	89
«Кораблик белый...»	90
ВЕЧЕРНИЙ БЛАГОВЕСТ	92
«Тихой благовест с морей былого...»	93
«Милый друг, мне жизнь не полюбить...»	94
«Как вожделенна страна познания...»	96
«Запустил мое окошко...»	97
«Всё бред и сон. Душа сломалась...»	98
«Тяжела работа Господня...»	99
«Ты дал нам белые одежды...»	100
«Чужой души таинственный порыв...»	101

«Держи неослабной рукою...»	103
«Каким безумием движенья...»	104
СЕВАСТОПОЛЬ	106
НОЧЬ[47]	107
«Как зрелый плод на землю упадет...»	108
«В полярный круг заключена...»	109
«О, каким несчастным и преступным...»	110
«Птицей залетной из края чужого...»	111
«Разве сердце наше знает...»	112
«Зачем говорить об уродстве жизни...»	113
«Лестница моя шатается...»	114
«О, как мне странно, что я живу...»	115
«Я знаю ужас низвержения...»	116
«Могильное упокоенье...»	117
МОНАСТЫРСКОЕ[54]	119
I. ЧЕРНИЦЫ	119
1. «С колокольни нашей высокой...»	119
2. «Кудрявый плотничек Гриша...»	120
3. «Вчера полунощное бдение...»	120
4. «Господи Иисусе Христе! Мать Христодула...»	122
5. «На дверях у них три пустые катушки...»	123
6. «Радуйся, Невеста, Невеста Неневестная...»	124
7. «Всю ночь нынче соловушек...»	125

8. «Звонко плещется ведро...»	125
II. НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ	127
1. «Зашумели снега ручьями узывными...»	127
2. «Душа моя – свечечка малая...»	128
3. «Сказывают в песнях, сестрица Мариша...»	128
4. «Послушание наше – идти по крапиву...»	129
5. «В третьем годе...»	130
6. «Лампады алой моей сияние...»	131
7. «Не грустите, милые сестрицы...»	132
III. РЯСОФОРНЫЕ[58]	133
1. «Ударила в колокол мать Аглая...»	133
2. «Росами Твоими вечерними...»	134
3. «В тонком виденьи мне нынче приснилось...»	135
4. «За высокою нашей оградой...»	136
5. «В мою келью неприветную...»	137
6. «Небеса нынче синие, синие...»	137
7. «Такая лежит она пригожая...»	138
IV. СТАРИЦЫ	140
1. «Глаша и Луша – такие насмешницы...»	140
2. «Ходила я, старица недостойная...»	141
3. «Есть у нас могилка безымянная...»	142
4. «Золотые маковки обители...»	142
5. «Расписала Аннушка игуменье	143

писанку...»	
6. «Гроздия белого инея...»	144
7. «Вот и кончилось мое послушание...»	145
8. «Кладбищенской тропкой мать Феодора...»	146
ЭПИЛОГ	148
[ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ 1928 г., ОТНЕСЕННЫЕ К КНИГЕ «МОНАСТЫРСКОЕ»][66]	149
«Матушка Сепфора стоит у плиты...»	149
«Рассыпала четки черница...»	150
СТИХИ 1916–1930	152
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	152
«Зачем душа боится муки...»	154
«То нездешнее меж нами...»	156
«Он поляной шел в часы заката...»	158
«Я бреду уединенно...»	159
«Я иду одна тропинкой белой...»	160
«Бабочка крылом меня задела...»	161
«Много ли нужно раненой птице?...»	162
«Ливень, проливень. Шумные всплески...»	163
«Хорошо вечеряющим лугом...»	164
«Светлой, гордой и счастливой...»	165
«В сердце лезвие измены...»	167
ОБЛАКО[72]	168
«Он всех бесправней на земле...»	170

«Слышен песен лебединых...»	171
«Всё это сон. Любовь, борьба...»	172
«Господи, высоко Твой престол...»	173
«Как тень убитого от места не отходит...»	174
«Не задуй моей лампы...»	175
СТАРОСТЬ[74]	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Варвара Григорьевна Малахиева-Мирович Хризалида. Стихотворения

РАННИЕ СТИХИ (1883–1915)

«Задумчиво стою у райского порога...»

Задумчиво стою у райского порога¹.
Перешагнуть его нет сил.
Как погляжу в лицо всеведущего Бога,
Когда он спросит: «Как ты жил?»

[1883]

---

¹ «Задумчиво стою у райского порога...». Записано в дневнике 26 марта 1953 г.: «Вспомнилось сейчас гимназических лет стихотворение... Следовательно, этим строчкам около 70 лет от роду».

«Кончен день бесполезной тревоги...»

Кончен день бесполезной тревоги²
И ненужного миру труда,
Отшумел, на житейской дороге
Не оставив живого следа.

И в прошедшем так много их было,
Не оправданных будущим дней...

.....

Тщетно солнце доныне светило
Над бесплодной душою моей.

[1887]

---

² «Кончен день бесполезной тревоги...». В дневнике 10 июня 1952 г. с пометой: «65 лет назад, в гимназические годы написанное стихотворение». 21 апреля 1953 г. записана еще раз последняя строфа с изменением в предпоследней строке: «Солнце, солнце! Зачем ты всходило». В записи 12 июня 1949 г. вариант предпоследней строки: «Тщетно солнце святое всходило».

«Тихо плачут липы под дождем...»

Тихо плачут липы под дождем³.
Сладко пахнет белая гвоздика.
А над ней по ставне за окном,
Расцветая, вьется повилика.

Вот и ночь. Душиста и темна,
Подошла неслышными шагами,
Обняла уснувший мир она
И кропит, кропит его слезами.

[1888–1889]

[Дача под Киевом]

---

³ «Тихо плачут липы под дождем...». Записано в дневнике 29 июля 1949 г.: «У этих робких, бледных, маловыразительных строк <...> оказалось могущество перенести 80-летнюю старуху <...> в ту бархатно-чудную ночь».

«Как тихо. Оливы сплетают...»

Как тихо. Оливы сплетают⁴
Серебряно-серый убор
По склонам террас, что сбегают
Ступенями желтыми с гор.

Как будто своею стеною
Мою оградить тишину
Им велено было судьбою,
Пока здесь навек не усну.

Не слышно ни птиц щебетанья,
Ни чистых мелодий цикад.
Лишь ветер прилива дыханье
Доносит в Забвения сад.

1896

Оспедалетти

---

⁴ «Как тихо. Оливы сплетают...». Список рукой О. Бессарабовой на отдельном листке, не попавшем в основное собрание. *Оспедалетти* – итальянский курорт на Ривьере. М.-М. оказалась там, будучи гувернанткой детей Даниила Григорьевича и Софьи Исааковны (сестры Л. Шестова) Балаховских.

«В серебре пушистом инея...»

В серебре пушистом инея⁵
На лесной опушке ель
Смотрит в дали бледно-синие,
Где взмелась уже метель.

Разыгралась, разметалась,
Крылья к небу подняла,
По дорогам разостлалась,
С плачем к ели подошла.

«Жутко в поле ночку темную
Коротать, царица Ель!
Приголубь меня, бездомную,
Бездорожную метель.

Пуховой лесной тропинкою

---

⁵ «В серебре пушистом инея...». Дневниковая запись 22 февраля 1951 г.: «Больше чем полвека тому назад <...> Вспомнилось стихотворение моей киевской еще молодости про метель. В рождественском приложении журнала (название его забыла). Оно имело успех в среде моих “почитателей”. Помню, как один из поклонников <...> долго встречал меня строчкой из этого стихотворения “Как живется, Царица Ель”, а иногда и “Царица Метель”». В записи О. Бессарабовой стихотворение короче на две строки. Последние строфы здесь: С визгом, с ревом, с завываньем В чаще эхо вторит ей. Вся от ужаса шатается На лесной опушке ель. И над нею издевается С долгим хохотом метель.

Легче зайки я скользну,
Ни одной сухой былинкою,
Ни листком не шелохну.

Под сосною, под высокою
Лягу в чаше отдыхать,
Жутко в поле одинокою
Меж сугробов ночевать».

Ель задумалась, качнулась,
Путь-дорогу ей дала,
А метель к земле пригнулась,
По тропинке поползла.

Вьется тихая, несмелая,
Плачет тонким голоском.
Впереди поляна белая
Расстилается ковром.

Как метель к ней подобралась,
Сразу крылья развела,
Разыгралась, разметалась,
По верхам гулять пошла.

С визгом, с ревом, с завываньем
Над вершинами кружит,
Похоронными рыданиями
В чаше эхо ей вторит.

Вся от ужаса шатается
На лесной опушке ель,
И над нею издевается
С долгим хохотом метель.

[до 1898]

«Шевелится дождик под окном...»

Шевелится дождик под окном⁶.

Ночь темна.

Что-то шепчут липы под дождем

У окна.

Голос ночи, жалобен и тих,

Говорит:

Отчего утрата дней былых

Всё болит?

Отчего оторванный цветок,

Что упал

С серебристой липы на песок,

Не завял,

Но, оторван, дышит и живет,

И в тоске

Милосердной смерти к утру ждет

На песке?

---

⁶ «Шевелится дождик под окном...». Имение Олешня (в дневнике М.-М. пишет: Алешня), приобретенное участником русско-турецкой войны, генералом Ф.Ф. Линд форсом в Городенском уезде Черниговской губернии. «Линдфорсы, давно обрусевшие шведы, в крови которых жили и шотландцы – Латри, – и еще какие-то западноевропейцы и украинцы, были очень известной в те годы украинофильской семьей в Киеве. Семья состояла из четырех девушек, двух девочек и одного подростка-мальчика» (запись в дневнике М.-М. 9 сентября 1934 г., в которой даны развернутые портреты старших сестер Ольги Александровны и Зинаиды Александровны Линд форс и их родных).

1893

*Имение Линдфорс
в Черниговской губернии*

«Я люблю полусон...»

Я люблю полусон⁷,
Полусвет, полумглу
Освещенных окон.
В полумгле, на полу —
Зачарованный блеск,
Нежный говор и плеск —
Струй ночных дождевых.
И дыханье живых
Ароматных цветов
У забытых гробниц.
Улетающих птиц
В небе жалобный крик.

Недосказанность слов.
В лицах тайны печать —
И всё то, что язык
Не умеет сказать...

[1897–1898]

[Петербург]

---

⁷ «Я люблю полусон...». Записано в дневнике «спустя 45 лет».

ОСЕНЬЮ⁸

I. «Тихо шиповник коралловый...»

Тихо шиповник коралловый,
Тихо роняет плоды
В лоно туманно-опаловой,
В лоно холодной воды.

Шепчутся ивы плакучие,
Шепчутся в сонной тиши:
Чьи это слезы горючие
Так хороши?

---

⁸ Осенью (I. «Тихо шиповник коралловый...», II. «Золотясь и пламенно краснея...»). Опубликовано в петербургском журнале «Книжки недели» (1897. № 11. С. 63–64). Подпись: В.М. В собрании сочинений М.-М., переписанных О. Бессарабовой, дата и место первого стихотворения (очевидно, по памяти) даны ошибочно: «1902. Пены». Ср. дневниковую запись: «А некогда – было мне тогда около 30 лет – я именно руки свои пожалела до слез. Был тяжелый душевный кризис, мысли о самоубийстве как о единственном выходе. Я стояла на крыльце летней ночью (в Пенах Курской губернии), полуодетая, и думала о том, какие существуют способы покончить с жизнью: поезд, отравы, река. – И вдруг обратила внимание на свои руки. Молодые, стройные, в лунном свете мраморно-белые, они показались мне необыкновенно прекрасными. И до того стало жалко предавать их тлению, что хлынули слезы и на время унесли план самоубийства». Опубликованный вариант незначительно отличается пунктуацией и последним глаголом («оживить»).

Тихо камыш колыхается,
Тихо засохший звенит:
Кажется, лето кончается,
Кажется, жизнь улетит?

Шепчутся травы поблекшие,
Шепчутся: как же нам быть?
Чем же нам лето усопшее,
Чем воскресить?

II. «Золотясь и пламенно краснея...»

Золотясь и пламенно краснея,
Смотрит лес в синеющую даль.
Как тиха пустынная аллея!
Как светла в ней осени печаль!

Словно реет в воздухе остывшем
Воскресенья радостный обет
И сердцам, безвременно отжившим,
Говорит, что смерти больше нет.

[1897]

[Петербург]

ЖАННА АСКУЭ⁹

Я Жанна Аскуэ, 26 лет от роду, не желаю смерти, но и не боюсь ее; умираю с твердостью, как обреченная Христу.

Из процессов об еретиках

Заря алеет над горами,
Внизу шумит дубовый лес,
И реет ласточка кругами
В прохладе утренних небес.

Как хорошо ей, как отрадно
Про жизнь и утро щебетать
И воздух синий и прохладный
Крылами вольно рассекать.

Заботы нет у Божьей птицы —
Не жнет, не сеет, и готов
На башне сводчатой темницы
От непогод ей тихий кров.

За ней следит глазами Жанна,
Спокойна духом и ясна:
Пускай свобода ей желанна,

---

⁹ **Жанна Аскуэ** («Заря алеет над горами...»). Опубликовано в журнале «Книжки недели» (1898. № 3. С. 119–120). Подпись: В.М.

Но и тюрьма ей не страшна.

У Жанны – скованные руки,
Кругом – солома, камень, сор...
Сегодня – пыток долгих муки,
А завтра ждет ее костер.

В долине Рейна за горою
Теперь семья о ней скорбит
И завтра с утренней зарею
На площадь казни поспешит.

Какою тьмою несказанной
Покроет душу им печаль!..
Детей глубоко любит Жанна,
Но ей покинуть их не жаль:

Пути укажет им прямые,
И хлеб, и жизнь им даст Христос,
Одевший лилии лесные
В живой атлас и жемчуг рос.

Заря всё выше над горами
Встает, румянит темный лес,
И реют ласточки кругами,
И свод безоблачен небес.

На лес, на небо смотрит Жанна
И с верой думает она,

Что жизнь прекрасна и желанна,
А смерть – близка и не страшна.

[1898]

[Петербург]

СУМЕРКИ¹⁰

... Часы таинственной отрады,
Когда молчанье говорит,
Тепла вечерняя прохлада,
И сумрак ласковый разлит
В аллеях дремлющего сада.

Часы, когда во мгле тумана
Любовь печальна, грусть ясна,
И, как прибоем океана,
Душа в тот мир унесена,
Где нет надежд и нет обмана...

---

¹⁰ **Сумерки** («...Часы таинственной отрады...»). Первое стихотворение триптиха, опубликованного в журнале «Книжки недели» (1898. № 5. С. 70–71). Подпись: В.Г. Малафеева.

БЕЛАЯ НОЧЬ¹¹

По Неве, где даль речная,
Поздним золотом сверкая
Догорающего дня,
Дымкой вечера оделась, —
Над гранитом загорелась
Блеском чистым
И лучистым
Цепь огня.

Белых сфинксов изваянья
Потеряли очертанья;
С белым сумраком слились
Зданий темные громады,
Их колонны и аркады
Стали тише,
Легче... Выше
Поднялись.

Зыбь угрюмого канала
Почернела, задрожала
Вереницей фонарей.

---

¹¹ Белая ночь («По Неве, где даль речная...»). Одно из пяти стихотворений, опубликованных в журнале «Книжки недели» (1898. № 6. С. 64–66). Подпись: В.Г. Малафеева. Еще «Два стихотворения» под той же подписью см. там же (1899. № 1. С. 54–55).

Желтый свет их заструился,
И под ним зашевелился
Беспокойный
И нестройный
Мир теней.

[1898]

[Петербург]

ДЕТСТВО

Помнишь юные, говорящие,
Вдаль спешащие
Золотые на солнце лучи?
Помнишь сказки их торопливые
И счастливые
Всепобедной всемирной любви?
Сердца детского ликование
И сияние
Куполов с голубой вышины?
И в саду с заалевшими почками
Пух травы с золотыми цветочками,
Утро жизни и утро весны!

[до 1900]

«В полдень жарко смола растворяется...»

В полдень жарко смола растворяется¹²

И по красным колоннам стволов
Благовонным елеем спускается
К божеству, что в дубраве скрывается
Меж зеленых увлажненных мхов.

В полдень травы сплетаются гибкие

И пытаются у сонных ручьев:
Кто под нашею порослью зыбкою,
Кто уснул с золотою улыбкою
Меж зеленых увлажненных мхов?

Нежно пчелы звенят неустанные,

Словно арфы далекой струна:
Поклонитесь, травы избранные,
Колосистые, серебротканые,
Богу сна.

[до 1900]

---

¹² «В полдень жарко смола растворяется...». Это стихотворение М.-М. записала в дневнике 16 августа 1949 г. и 27–28 июня 1952 г. Здесь разночтения по сравнению с вариантом О. Бессарабовой: глагол в 6 строке («склоняются»), начало 11 строки («В полдень пчелы...» – в записи 1952 г.).

«Упала ночь горячей тенью...»

Упала ночь горячей тенью.
Еще местами небосклон
Кровавой розой и сиренью
Сквозь сумрак ночи напоен.

Но всё властней, всё горячее
Объемлет жаждающая тьма
Садов роскошные аллеи,
Селений скудные дома.

Уже крылом ее одеты
Престолы грозные вершин.
На дальней башне минарета
Сзывает верных муэдзин.

И голос дикий и унылый
Средь виноградников густых
Звучит уверенною силой
Из глубины веков седых.

И сердце грустное тревожит
Наивной веры торжество,
Что нету Бога, кроме Бога,
И Магомет – пророк его!

[do 1900]

«Нежная былинка тихо задрожала...»

Нежная былинка тихо задрожала
Ночью под землею раннею весной.
Смерть над ней склонилась, смерть ее позвала,
И взошла былинка в миг тот над землей.

Дивными звездами небо шевелилось,
Раскрывались почки, радуясь весне,
Зашептала травка: где же смерть сокрылась?
Засмеялись звезды в темной глубине.

1901

Межерское

«Седая изморозь ложится на траву...»

Седая изморозь ложится на траву¹³.
Так холодно в лесу, так тихо по утрам.
И так не верится, что были наяву
Весеннее тепло, цветы и птичий гам.

Хоть неба синего бессмертная весна
На смену дней с улыбкою глядит,
Лесная чаща ей не верит и грустна,
Вся обнаженная, застывшая, молчит.

И только мертвый лист, сорвавшись с высоты,
Порою шепчется с кустарником сухим:
Быть может, вечен мир, но где же я и ты?
Быть может, вечен мир, но мы прошли, как дым.

1901

Воронеж

---

¹³ «Седая изморозь ложится на траву...». «Было напечатано в отрывном календаре» (записано в дневник 10 июня 1950 г.).

«Перед грозою...»

Перед грозою
В лесу тревога:
Шумят деревья,
Пылит дорога,

Трепещут травы,
Дрожат былинки,
Сухие листья
Вниз по тропинке

С горы сбегают,
Спешат, теснятся.
Жизнь потеряли,
А бурь боятся.

1902

Воронеж

В КАМЫШАХ¹⁴

Там, в тени речного сада,
В полумгле зеленых вод
Бледнолицая наяда
Косу длинную плетет.

Расплетает, заплетает,
И коварна, и грустна,
Гостя в омут поджидает,
В пышный сад речного дна.

Брезжит лунное сиянье
В полумгле зеленых вод,
Томной жалобой шуршанье
В камышах плывет, плывет...

Зыбь темней. Плеснули травы,
И мохнаты, и влажны,
Тихо вздрогнули купавы,
Закачался диск луны.

Тише, тише – осторожно...
В полумгле зеленых вод

---

¹⁴ В камышах («Там, в тени речного сада...»). Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1902. № 6. С. 214).

Невозможное возможно,
Схороненное живет.

[1902]

«Когда живешь в своей пустыне...»

Когда живешь в своей пустыне¹⁵

Ты, неприветный и немой,
Позволь коснуться мне душой
Твоей печали, как святыни.

Я к ней сойду зеленой сенью,
Миража зыбкою красой,
Летучей облачною тенью,
Прохладной белою росой.

И над гробницами былого,
Над колыбелью мертвых снов,
Среди увянувших цветов
Пройду, как вздох цветка живого.

[1902]

---

¹⁵ «Когда живешь в своей пустыне...». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1902. № 8. С. 188).

«Белеют призрачно березы...»

Белеют призрачно березы¹⁶
В объятьях сумерек и сна,
Могил таинственные грёзы
Пугливо шепчет тишина.

Туманно вдаль плывут аллеи,
Чернеют старые кресты,
И ангел мраморный, белея,
Простер крыло из темноты.

А вот и свежая могила —
На ней цветок, еще живой...
О, сердце! Что же ты застыло
Пред миром тайны роковой?

Зачем довериться не смеешь
Ее безмолвной глубине,
О чем так горестно жалеешь
В блаженно-грустной тишине?

Иль голос вечного покоя
Тебе один поведать мог,

---

¹⁶ «Белеют призрачно березы...». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1903. № 3. С. 176).

Как жарко любишь ты земное,
Живое, полное тревог?...

[1903]

ИЗ КНИГИ ИОВА

*Разве у Тебя плотские очи
и Ты смотришь, как смотрит человек?
[Книга Иова,] 10, 4*

О, Боже! Плотскими ли смотришь очами¹⁷,
Пристал ли Тебе человеческий суд!
Кого обвиняешь? Я тень меж тенями,
Пройду, и на завтра меня не найдут.
Не Ты ли создал меня? Плотью и кожей,
Костями и жилами дух мой скрепил?
Зачем же, как лев разъяренный, о, Боже,
Ты ныне свой бег на меня устремил?

[1902–1903]

---

¹⁷ «О, Боже! Плотскими ли смотришь очами...». Четвертое стихотворение цикла «Из книги Иова», состоящего из девяти стихотворений. Датировка этого и следующего стихотворения по записи М.-М. в тетради ее воспоминаний о М.В. Шике, где рассказывается, с каким жадным вниманием он, еще 15-16-летний гимназист, слушал в салоне своей матери чтение только «вышедших в печать стихотворных переложений из Иова и Экклезиаста», выполненных М.-М. Разыскать публикацию не удалось.

ИЗ КНИГИ ЭККЛЕЗИАСТА

Суета и томление духа пустое¹⁸,
Всё, что было и есть, и что будет потом.
Солнце всходит, заходит всё той же стезею,
Путь свершит и выходит на месте своем.

Ветер к югу несется и к северу мчится,
И кружится по дальним пределам земли.
Но откуда умчался, туда возвратится,
Возвратится на круги свои.

Реки в море стремятся, но лоно морское
Отсылает к истокам в дожде их волну.
И опять возвращаются прежней рекою
Те же воды в его глубину.

Всё, что было и есть, уже было когда-то,
Что свершается ныне, свершилось в веках,
Только память о бывшем прошла без возврата,
И что было живым, обратилось в прах.

Ничего нет под солнцем, что было бы ново,

---

¹⁸ «Суета и томление духа пустое...». Первое из цикла «Из книги Экклезиаста», состоящего из одиннадцати стихотворений. Ко всему циклу предпослан эпиграф «Суета сует, сказал Экклезиаст. / Суета сует и всё суета».

Если скажут: «вот это» иль «это» – не верь.
Неизменны пути дня творенья земного,
И что было и будет, то есть и теперь.

[1902–1903]

«Испугано сердце твоей красотой...»

Испугано сердце твоей красотой¹⁹,
Редеющий, гибнущий, призрачный лес.
Овеян улыбкой вершин золотою,
Простор побледневших высоких небес

Уходит всё дальше, уходит всё выше
В немую пустынную чистую даль.
А здесь, на земле, всё прекрасней и тише
О жизни, о сне улетевшем печаль.

На тихой поляне просторно и гладко,
В березовой чаще так странно светло.
И таинство смерти так жутко и сладко,
Так близко к душе подошло.

1904

---

¹⁹ «Испугано сердце твоей красотой...». *Кудиново* – село в Ногинском районе Московской области. Ср. записи в дневнике М.-М.: «Вспомнился Кудиновский лес – ландышевые аллеи, кукушки, черника. Это был очень несчастливый этап моей личной жизни» (13 августа 1931 г.); «В Кудиновских лесах (возраст за 30 лет) – определенный зрительный образ, возникавший при неожиданной тревожной переключке птиц, летящая через лес низко над землей молодая женщина в зеленом одеянии, с зелеными глазами, с зелеными волосами. В каждом лесу и всегда ощущение затаенного присутствия стихийных духов» (8 июля 1940 г.).

Кудиново

«Лететь, лететь, но не во сне...»

Лететь, лететь, но не во сне,
Не на тисках аэроплана,
Лететь – как птица в вышине,
Лететь – как ветер океана.

Услышу в трепетных плечах
Прилив знакомого усилья,
И это будет первый взмах,
И это будут крылья, крылья!

[1905?]

«Живая лазурь над вершинами елей...»

Живая лазурь над вершинами елей
Тепла и бездонна, как любящий взор.
В ней чудная тайна святого веселья.
В ней сумраку духа небесный укор.

И ласково светит душе омраченной,
И шепчет живая лазурь с высоты:
«Отдайся мне, любящей, теплой, бездонной,
Отдайся мне, вечной, как ты».

[до 1906]

«Коршун всё ниже, всё ниже кружится...»

Коршун всё ниже, всё ниже кружится.

Вот он – последний миг.

И всё так же, ликуя, струится

Сон цветов полевых.

Знает ли небо, знают ли травы

Предсмертный, смертный страх?

Свято ли им убийства право?

Свершилось! И всё та же сила и слава

И мир на земле. И в небесах.

[до 1906]

ЦЮРИХСКОЕ ОЗЕРО²⁰

Словно опал драгоценный,
В смутной оправе темнеющих гор
Переливом красы несравненной
Блещет озера тихий простор.

В нем растаяв, лазурь побледнела,
Стало золото чище, нежней.
И заря, умирая, одела
Его розовой тканью теней.

И красив он, опал драгоценный,
И изменчив, как радость людей.
Миг – и нету красы несравненной,
И вода его – ночи темней.

1906

«Больная нежная заря...»

Больная нежная заря
Зеленым пламенем хрустальным,
Не угасая, не горя,
В своем томлении печальном
Не говорит ли нам о том,
Что снится небу жизнь иная,
И мы, как сны его, плывем
К вратам утраченного рая?

[ок. 1906]

«Я умираю, умираю...»

Я умираю, умираю²¹,
О, душность гробовых пелён!
Какая тьма вокруг сырая,
Как тяжёлый мой могильный сон!

Всё глуше в нём воспоминанья —
И свет, и тень, и сок листвы,
Все утоленья, все желанья
Без пробуждения мертвы.

Но нет в гробу моем покоя,
Тревогу каждый миг несет.

---

²¹ «Я умираю, умираю...». В дневнике 12 января 1946 г. записано с названием «Хризалида» и пометой «лет 30 или 40 назад написанное». Здесь разночтения: в 5-й строке: «всё реже», в 10-й: «Тревога каждый миг растёт». 12: «и зовет...». Повторные записи 29 декабря 1948 г.; 6 декабря 1951 г. с комментарием: «Здесь отразился лично мне несвойственный, очень растянутый период угасания жизни стареющих людей, чуждых пробуждения к обновлению жизни, кот<орое> ощущается ими только в миг так наз<ываемой> смерти». В записи 7 января 1951 г. к словам «могильный сон» сделано примечание: «Отсутствие сознания, что сон этот — переход в инобытие». Стихотворение здесь припоминается в связи с чтением предсмертного дневника Л.Н. Толстого: «Он записывал в этом дневнике чувства, мысли и последние касания к жизни по эту сторону могилы. Могила в данном случае — хризалидное состояние». 17 сентября 1952 г. ещё одна запись этого стихотворения. Здесь с названием «Хризалида». Вариант начала 7 строки: «Все помышленья».

И что за грозное, чужое
В груди трепещет и растет?

Страшусь бесплодности усилья,
Бороться с тьмою не хочу.
...Но что за мной трепещут – крылья?
Я умираю... Я лечу!

[1906* или 1916*]

ПЕРЕД ГРОЗОЙ²²

Темные ризы у Господа.
Взор омраченный поник.
Ангелы с крыльями черными
В страхе теснятся вокруг.

Слава померкла небесная.
Стелется вихрь по земле...
С темного Лица Господнего
Тяжко упала слеза.

[1907]

---

²² **Перед грозой** («Темные ризы у Господа...»). Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1908. № 1. С. 11).

ТРИ ПАРКИ²³

Вынула жребий Лахезис слепая,
Клото прядущая нити взяла;
Клото безмолвная, Клото глухая,
Черные нити покорно свила.

Парка седая, привратница Ночи,
Пряжи коснулась Атропа сквозь сон.
Черная мгла застилает мне очи...
Слышу, как веслами плещет Харон...

[1907]

---

²³ **Три парки** («Вынула жребий Лахезис слепая...»). Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1908. № 1. С. 12). *Парки* – три богини судьбы в древнеримской мифологии. В древнегреческой им соответствовали три мойры: *Лахезис* (прядет нить человеческой жизни), *Клото* (наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу), *Атропос* (перерезает нить жизни).

«Не всё ли равно, где умирать...»

Не всё ли равно, где умирать²⁴
И где умереть.
Да свершится всё, что суждено,
И ни о чем не надо жалеть.

Крепка небесная твердь,
А слабую нашу нить
Работница Божья Смерть
Поспешит обновить.

[1908*]

---

²⁴ «Не всё ли равно, где умирать...». Записано в дневнике 4 сентября 1948 г. с пояснением: «Давнее стихотворение, лет 40 ему».

«Опасно сердце открывать...»

Опасно сердце открывать.²⁵

К сердцам открытым близок нож.

Опасно душу отдавать:

Отдавши душу, не вернешь.

И будешь по свету кружить,

И будешь ночью ворожить,

Чтоб след души своей найти,

Чтоб сердце как-нибудь спасти...

---

²⁵ «Опасно сердце открывать...». Записано в дневник 4 апреля 1947 г. с пометой «старинное мое стихотворение».

«Такая тишина, что ловит чуткий слух...»

Такая тишина, что ловит чуткий слух,
Как вереск отцветает,
Как за стеклом окна легко, легко, как пух,
К земле снежинка приникает.

Душа глаза раскрыла широко
И смотрит вдаль.
И ей светло, и чудно, и легко
Нести свою печаль.

Святой алтарь глядит в мое окно
Созвездием лампад.
А сердцу было встретить суждено
Любви нездешней взгляд.

1911
Москва

«Мой спутник, светлый и таинственный...»

Мой спутник, светлый и таинственный²⁶,
Тропой, неведомою нам,
Тропой бездумной и единственной
Меня ведущий к небесам,

Земного нет тебе названия,
Но ты во мне, и я в тебе.
Моя душа – твоё дыхание,
Твоя судьба в моей судьбе.

1911

Крюково

---

²⁶ «Мой спутник, светлый и таинственный...». *Крюково* – подмосковный посёлок. Здесь располагался санаторий Е.Н. Рукавишниковой и доктора медицины Н.А. Вырубова, в котором М.-М. восстанавливала здоровье (сердечные припадки и расстроенную нервную систему) в 1911 и 1913 гг.

«Колыбель моя качается...»

Колыбель моя качается²⁷
В безднах света мировых.
Кто-то Светлый наклоняется,
Сторожа заветный миг,

Чтобы взять дитя уснувшее
В свой таинственный покой,
Где покоится минувшее
И веков грядущих рой.

[1912* или 1922*]

---

²⁷ «Колыбель моя качается...». Записано в дневнике 11 января 1945 г. со словами «это стихотворение посвящается Ольге» (Бессарабовой), 28 апреля 1950 г. (с комментарием: «Хлебников сказал бы об этом совсем иначе»), 20 июля 1952 г. с пометой «лет тридцать, а м.б., и сорок тому назад появившиеся на свет строки».

«О дух, исполненный гордыни...»

О дух, исполненный гордыни,
Не для тебя Христос Воскрес.
Твоей отверженной пустыни
Не увлажнит роса небес.

Твои молитвы не угодны
Первоисточнику любви,
Твои скитания бесплодны,
Пути неправедны твои.

Иди во мрак, задув лампаду.
Быть может, с высоты высот
Тебя в кругу последнем ада
Отец отыщет и спасет.

1913, Пасха
Воронеж

«О листья, листья золотые...»

О листья, листья золотые,
Вы пили воздух и лучи,
В шатры сплетенные густые,
Шептались с ветрами в ночи,

Но в дни сияющие лета
И в утра алые весны
Не знали вы такого света,
Такой блаженной тишины.

И ваше легкое шуршанье
Над этой светлой тишиной
Звучит таинственной молчанья,
Звучит как голос неземной.

1913

Крюково

«Жизнь твоя – чаша хрустальная...»

Жизнь твоя – чаша хрустальная.
Вино ее – кровь моя.
Да святится жертва пасхальная
Для исхода в иные края.

Плоть моя – агнец заклания.
Нож ее – жизнь твоя.
Да свершится твое дерзание
Для исхода в иные края.

Дух наш в едином горении,
Не знаю, где ты, где я.
Да святится огонь всежжения.
Да святятся иные края.

1913

Крюково

«Это ветер, ветер позёмный...»

Это ветер, ветер позёмный
Гонит блеклый лист золотой.
Это к зимней постели укромной
Проскользнула змея на покой.

Это пара стрекоз запоздалых
Надломила сухой стебелек
В былинках бронзово-алых.
Это хрустнул под белкой сучок.

Это отзвук души, упоенной
Гармонией сил мировых.
И сквозь пламень листвы обагрённой
К ее смертному ложу подходит Жених.

1913

Крюково

«Если с ветки упала жемчужина...»

Если с ветки упала жемчужина²⁸
И в дорожной грязи растворилась,
Это – радость, это – нужное,
Не жалею, что так случилось.

Если с яблони белой слетели
Ароматные рои цветов —
Ближе к гибели, ближе к цели,
К дальней жатве неведомых цвету плодов.

1913

Крюково

---

²⁸

«Если с ветки упала жемчужина...». Символический смысл, вкладываемый в образ «жемчужины», раскрывается в дневнике М.-М. К своей записи о последней встрече с Шингаревым она делает специальное примечание: «После Гнездиловки мы с Андреем Ивановичем увиделись последний раз в Воронеже. “Выпала жемчужина из нашей встречи, – сказала я, – нам больше ее уже не найти”. “Что же делать, – сказал он глухо, – да, я и сам их не хочу” <...> Жемчужиной мы называли ту близость, легкость, простоту и открытость в наших отношениях, какая сразу установилась у нас» (запись 12 ноября 1933 г.).

«Еще, еще один стремительный...»

Еще, еще один стремительный,
Один неотвратимый круг.
Еще, еще один губительный
Удар твоих любимых рук.

И трубный глас гремит из вечности,
И разверзается земля.
Спасешься ль ты от уз конечности,
Душа плененная моя?

1913

Крюково

«Когда я с тобой говорила...»

Когда я с тобой говорила,
Когда я тебя целовала,
Это всё прощание было,
Всё на волю тебя отпускала.

Но испить ли чашу прощания
Смертному сердцу до дна?
Глубже радости, глубже страдания,
Глубже смерти она.

1913

Крюково

«Не троньте эту былинку, не рвите...»

Не троньте эту былинку, не рвите.
Ее сердце к земле примято.
Ее стебля разрушены нити.
Ей не дожить до заката.

Но пока не устанут дождинки
Ее влагой небесной поить,
Не троньте эту былинку,
Не рвите. Ей сладко жить.

1913

Крюково

«Когда сознание не вмещает...»

Когда сознание не вмещает²⁹
Того, что жизнь ему несет,
Как вихрь, безумье налетает
И тесный дом наш потрясает,
И паутину мысли рвет,
Всеразрушающим дыханьем

---

²⁹ «Когда сознание не вмещает...». Стихотворение связано с пережитым летом 1913 г. состоянием на грани нервного срыва: «Я застал ее в постели с осунувшимся лицом. Она слаба и телесно худо себя чувствует. И меня неизменно трогает и поражает, как она умеет невинно для духа переносить свои болезни. Она в кротком и ясном состоянии духа, открытом ко мне. Но доктор сказал, что еще третьего дня у Варв<ары> Григ<орьевны> были часами состояния, заставлявшие его опасаться длительного психоза. Мой приезд оживил ее. Через некоторое время она встала, и я отвел ее на ближайшую лесную опушку посмотреть на облака и подышать воздухом полей. Мне было хорошо говорить с ней и ее слушать. В субботу надо будет перевезти В.Г. в город. Срок ее пребывания в санатории кончается. Хорошо бы ей побыть еще недели 2, чтобы поправиться, но на это не хватает денег. Санаторий очень дорог. Кажется, В.Г. будет можно поехать к друзьям в Финляндию около Териок у моря. Там будет за ней уход, пожалуй, лучший, чем в санатории. Ее тяготят чужие люди»; «Я нашел, что за время, пока я не видел ее, произошло значительное ухудшение, и, гл. обр., в области психики. Вчера с ней бывали бредовые состояния, которые, как всегда у нее бывает, сменяются полной бодростью и ясностью душевной». (Шик М.В. Из писем к Н.Д. Шаховской от 14 августа и 4 сентября 1913 г. – Семейный архив Шиков и Шаховских). «Неужели те обеты, те упования, та милость Божья, кот. была мне оказана, тот путь, какой мы прошли с Тобой в Крюкове – всё было напрасно?» (из письма М.-М. к Шiku 31 октября 1915 г. – Семейный архив Шиков и Шаховских).

Срывает наш уютный кров.
И то, что звали мы сознанием,
Умчится в вихре мироздания,
Сольется с пламенем миров.

1913

Крюково

«Здесь, на этом камне придорожном...»

Здесь, на этом камне придорожном,
Я хотела бы уснуть.
Утомил меня тоской о невозможном
Долгий путь.

Милый друг мой, страннический посох,
Знак моей беспечной нищеты,
У кладбища на рассветных росах
Примешь ты.

Небосклон предутренней звездою
Озарит любви твоей печаль,
Но уже синее за рекою
Новой жизни даль.

И венец зари жемчужно-алой
Над тобой всё шире, всё ясней,
Мир душе моей усталой,
Дальний светлый путь – твоей.

1913

Крюково

«И снилось мне, что надо мною...»

И снилось мне, что надо мною
Господних сил архистратиг
Небесной молнии стрелою
Пронзил врага у ног моих.

Бессильно тяжело задыхалось
Во прахе мировое зло,
И что-то в сердце загоралось,
И было сердцу тяжело.

Врага ли падшего жалело
Оно сквозь тонкий шорох сна,
Иль биться с ним само хотело,
Иль выпить чашу зла до дна...

Ужасен был средь темной ночи
Архистратига яркий лик,
И молнии метали очи,
И тьму пронзил победный крик.

[1913]

«Кипят мои наговорные травы...»

Кипят мои наговорные травы³⁰.
Обступает несметная рать.
Сумрачно-сладкой отравой
Наступает мой час колдовать.

Что вам до меня, легионы,
Живущие в грозных провалах небес,
Вашей власти тяжка мне корона,
Мне не нужно ваших чудес.

Я неведомый миру странник
По окраинам дальним земли.
Я бреду, как нищий изгнанник,
От соблазнов мира вдали.

Но ткете вы паутину свершений
Из огня моего бытия.
И я слышу вздохи рождений,
Которых причиною — я.

И вижу простертые руки,
И в них призраки ваших даров,

---

³⁰ «Кипят мои наговорные травы...». Эти стихи знали наизусть ученицы М.-М.: см. Бессарабова. Дневник. С. 483.

И свидания, и разлуки,
И обманы желаний и снов.

Скройтесь, бездомные силы,
Развейтесь в дыму мирового огня,
Я вас не звала, я вас отпустила,
Крестом осеня.

1913

Москва

«Смотрит месяц к нам в окошко...»

Танечке Лурье

Смотрит месяц к нам в окошко³¹.

Таня спит или не спит?

А от месяца дорожка

Через комнату бежит.

Той дорожкой сны проходят —

Серый, белый, голубой.

И шарманочку заводят

Над кудрявой головой.

1913

Москва

---

³¹ «Смотрит месяц к нам в окошко...». Лурье Татьяна Семеновна (1894?-1935) – дочь С.В. Лурье (о нем см. в послесловии), воспитанница М.-М., участница «Кружка радости». См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.)

«Мне снится часто колыбель пустая...»

Мне снится часто колыбель пустая³².
Я знаю – в ней дитя мое спало.
Но где оно – во сне напрасно вспоминаю.
Быть может, отнято, быть может, умерло.
Во сне я помню глаз его сиянье
И нежный пух младенческих кудрей.
И звездный свет, и Божьих уст дыханье
В бездонном сумраке сомнений и страстей.
Но кто-то очи властно мне смежает,
И я уснуть должна. О, эти сны во сне!
Кем отнято дитя – могильный сон мешает,
Могильный сон мешает вспомнить мне.

1913

Москва

---

³² «Мне снится часто колыбель пустая...». В дневнике 12 декабря 1951 г. М.-М. вспоминает это стихотворение как ответ на вопрос: «По вашему желанию или против вашего желания у вас в брачные годы не было ни одного ребенка?»

«Когда в полночный час младенца Самуила...»

Когда в полночный час младенца Самуила³³
Воззвал Твой глас,
Его душа во тьме глаза открыла,
И умерла, и к жизни родилась.

1913

Москва

---

³³

«Когда в полночный час младенца Самуила...». Стихотворение зачеркнуто. Возможна связь с библейским сюжетом рождения пророка Самуила у святой пророчицы Анны, страдавшей бесплодием и давшей зарок, если Бог пошлет сына, посвятить его Господу «на все дни его жизни».

УПАВШЕЙ СОСНЕ³⁴

*Триста лет стояла она
И сегодня упала.*

Е. Гуро

Конец и бурям, и покою,
Звездам, и солнцу, и луне,
И трепету растущей хвои,
И вздохам в зимней тишине.

Но гордость стройного свершенья
В бездумном теле разлита,
И дышит силой поражение,
И в смерти дышит красота.

1913

Финляндия

---

³⁴ Упавшей сосне («Конец и бурям, и покою...»). Елена (Элеонора) Генриховна Гуро (1877–1913) – поэт, прозаик, художница. О дружбе М.-М. с Гуро см. в послесловии. Эпиграф – цитата из книги: Гуро Е. Шарманка. СПб., 1909. С. 79 (у Гуро: «Упала сосна. Триста лет стояла она и упала сегодня ночью»).

«Ловлю потаенные знаки...»

Ловлю потаенные знаки³⁵
В склоненьи дорожных берез,
В тоскующем взоре собаки
И в радуге собственных слез.

Недаром заря, пламенея,
На озеро кровь пролила.
Недаром лесная аллея
Была так безумно светла.

Упали две тонкие хвои,
Упали, скрестились на пне...
Крещение ждет нас с тобою,
Крещенье в слезах и в огне.

1913

Уси Кирка

---

³⁵ «Ловлю потаенные знаки...». *Уси Кирка* (Уусикиркко, фин.) – Новая Церковь. Село до 1939 г. входило в состав одноимённой волости Уусикиркко Выборгской губернии Финляндии. С 1948 г. переименовано в Поляны, поселок в Ленинградской области. Здесь была дача Е. Гуро, где она и скончалась в апреле 1913. Над ее могилой М. Матюшин сделал крест из сосны. Это и предыдущее стихотворение М.-М., видимо, написаны на смерть Е. Гуро.

«Паруса утопают крылатые...»

Паруса утопают крылатые³⁶
В лиловой полуденной мгле.
Бездумным покоем объятое,
Сердце радо жить на земле.

С безбрежностью моря тающей
Сливается синяя твердь.
Но в этом же круге сияющем
Слепота, безумие, смерть.

1913

Гунгебург

---

³⁶

«Паруса утопают крылатые...». *Гунгебург* (нем.) – до 1922 г. официальное название курортного эстонского городка Нарва-Йыэссу (довольно популярного: здесь, например, познакомились девочки Аня Горенко и Валерия Срезневская).

«О, печальные спины покинутых людей...»

О, печальные спины покинутых людей,
Их неверный, связанный шаг,
И развязанность с ними всех вещей,
И решимость не жить в их очах.

Улица пред ними слишком длинна,
Подъезды молчат томительно-глухо.
Бездонна, как смерть, тишина
Отвержение познавшего духа.

1913

Гунгебург

«На песках бесплодных у моря...»

На песках бесплодных у моря
Жизнь творит чудеса.
В напоенном солнцем просторе
Молочайные зреют леса.

Бурый колос, испытанный бурей,
Выше леса возносит крыло.
В безграничное царство лазури
Все метелки его унесло.

А под ним тонконогие дива,
Два жемчужно-седых паука,
Пробегают воздушно-пугливо
Через мост золотой стебелька.

На холме колокольчик лиловый,
Несмолкаемый трепетный звон.
Это месса полудня морского,
Это моря полуденный сон.

1913

Гунгсбург

«Велико избрание быть красивым...»

Велико избрание быть красивым.
Но больше – быть прекрасным.
Глубоко познание быть счастливым,
Но глубже – быть несчастным.

Царствен удел вкусившего
Миг достиженья торжественный,
Знамя победы раскрывшего.
Но удел поражения – божественный.

1913

Гунгебург

«Мы утонули в свете первозданном...»

Тане Лурье

Мы утонули в свете первозданном³⁷.
Усыновил божественный покой
В одном сиянии слиянном
Мой дух и твой.

Сыновна ль мне душа твоя родная,
Сестра ль она предвечная моя,
Иль связывает нас любовь иная,
В иных пределах бытия —

Доверься мигу. Свято и блаженно
Сужденное причастие вкуси
И этот мир, и этот свет нетленный
Во тьме земной не погаси.

27 июня 1913

Удриас

---

³⁷

«Мы утонули в свете первозданном...». *Удриас* — дачное место Эстляндской губернии, Везенбергского уезда, на берегу Финского залива. Соседствуя с Силломягами, Меррекюлем, составляет непрерывный ряд дачных местностей, тянущийся вдоль южного берега залива.

«Сомкнулись воды надо мною...»

Сомкнулись воды надо мною.
Далеко убегает круг.
Следит ли за его чертою
Иль к берегам спешит мой друг?

Какою чистотой хрустальной
Всё дышит в царстве водяном!
Как в свежести первоначальной
Всё чудно, зелено кругом!

В безумно-быстром сочетании
Промчались изжитые дни.
О, как пленительно сознание,
Что не воротятся они.

Стихии властной поцелуи
Всё неотступней, всё грозней.
«Люблю тебя, одну люблю я», —
Обманный голос шепчет в ней.

1913

Воронеж

СТРАСТЬ³⁸

Отовсюду веют, реют крылья,
Тьмы и тысячи незримых сил.
Что решенья воли, что усилья?
Да свершится всё, что рок судил.

Из глуби времен воспоминанья
Жгучий вихрь несет. Земля моя!
Раскаленные немые содрогания
Сил твоих в истоках бытия.

Но несет, несет нас хор незримый
Выше солнца и планет.
Слышишь пенье «иже херувимы»,
Видишь свет, неизреченный свет?

[1913]

---

³⁸ **Страсть** («Отовсюду веют, реют крылья...»). 14 апреля 1949 г. М.-М. записывает первую и последнюю строфы и комментирует: «Я поняла, что в Любви (с большой буквы) может одухотвориться ее чувственная сторона, перестать быть чувственной (Встреча с М.[В. Шиком])». 18–19 февраля 1952 г. М.-М. писала в дневнике, что запечатленный в стихотворении «чувственный момент благодаря повышенному религиозному состоянию души даже и Л.Н. Толстой не осмелился бы свести к “похоти”». «*Иже херувимы*» – первые слова из православной литургической «Херувимской песни». О *Михаиле Владимировиче Шике* (1887–1937) см. в послесловии.

Москва, «Ницца»

«Всё триедино во Вселенной...»

Всё триедино во Вселенной³⁹,
Как триедин ее Господь
Как Бог, рождающий нетленно,
Как Сын распятый, погребенный,
Как Дух, животворящий плоть.

За чудом каждого явления
Тройное скрыто единство:
Его предвечное рожденье,
Его распятие, погребенье
И воскресенья торжество.

1913

Москва

---

³⁹ «Все триедино во Вселенной...». Опубликовано в журнале «Русская мысль» (1914. № 10. С. 106).

«Кораблик белый...»

А.В. Романовой

Кораблик белый⁴⁰

Средь темных вод

Поник несмелый

И бури ждет.

К пристаням дальним

Спешат корабли.

Кораблик печальный

Стоит на мели.

Но скоро, скоро

Вихрь налетит,

В открытое море

---

⁴⁰

«Кораблик белый...». Романова Анна Васильевна (урожденная Вышневецкая, 1873–1968) – подруга М.-М. Первая жена писателя Пантелеймона Сергеевича Романова. В 1920-е гг. стала духовной дочерью о. Сергия (Мечева). Взяла на себя заботу о воспитании четверых детей Мечевых, оставшихся в 1932 г. на попечении родных – после ареста священномученика Сергия, а затем и его жены. Работала в Земской управе, затем в Центральном Статистическом Управлении. См. о ней: *Бирукова Е.Н.* Душа комнаты (Московский журнал. 2004. № 8); Бессарабова. Дневник. (По ук., особенно с. 698–699). Документально подтверждено (письма М.В.Шика Н.В. Шаховской, семейный архив Шиков и Шаховских) пребывание М.-М. (и Шика) в Варшаве в марте-апреле не 1913, но 1914 г.; однако в списках О. Бессарабовой под стихами дата «1913».

Его умчит.

Кораблик милый,
Пусть даст тебе Бог
Новые силы
Для новых тревог,

Для странствий дальних
Безвестных путей
И для печальных
Новых мелей.

1913

Варшава

ВЕЧЕРНИЙ БЛАГОВЕСТ

Первый колокол – во имя Господне.
Медом и елеем напоил он закат.
Второй – за тех, что в преисподней
В неугасимой смоле кипят.
Третий колокол тем, что отдали
За грех мира душу и плоть,
Обагрились их кровью медвяные дали.
Прими их жертву, Господь!

1913

Варшава

«Тихой благовест с морей былого...»

Тихой благовест с морей былого
Недоснившийся приносит сон.
Сердце плачет, сердце просит снова
Услыхать навек замолкший звон.

Все цветы, не знавшие расцвета,
Все надежды, спящие в гробах,
Все укоры песни недопетой
И сердца, что ныне стали прах,

Тихий благовест по морю слез приносит
С недостижно дальних берегов.
Сердце плачет и в безумьи просит
Прежних мук, невозвратимых снов.

1913

Варшава

«Милый друг, мне жизнь не полюбить...»

Милый друг, мне жизнь не полюбить⁴¹,
Но люблю я жизни отраженье.
И мила мне золотая нить
Меж земным и неземным свершеньем.

И дворец, что в зеркале пруда
Опрокинул ясные колонны,
Пусть не будет нашим никогда,
Тяжесть царской знаем мы короны.

На престол тобой возведена,
Я тебя венцом моим венчаю.
Милый друг, земная жизнь темна,
Но светла над нею жизнь иная.

Убаюкай зыбь души моей,
Тайну неба пусть она лелеет,
Пусть святая нить любви твоей
Между мной и небом не слабеет.

---

⁴¹ «Милый друг, мне жизнь не полюбить...». Второе четверостишие записано в дневник 6 марта 1949 г. с переменной в третьей строке: «Пусть моим не будет никогда». *Лазенки* – прекрасный ландшафтный парк в Варшаве. В стихотворении описан знаменитый «Дворец на водах» в Лазенках.

1913

Варшава, Лазенки

«Как вожденна страна познания...»

Как вожденна страна познания⁴²,
Как многозвездно она светла,
Ее сокровищам нет названия,
Ее обителям нет числа.

Как беспощадна страна познания,
Ее пути – огонь и кровь,
Ее закон – самосжигание,
И дышит смертью в ней любовь.

И как чудотворна страна познания,
В ней прах и пепел встает живым
И улетает, как ветра дыхание,
Что звали мы жизнью и сердцем своим.

1913

Варшава

«Запустил мое окошко...»

Запустил мое окошко⁴³
Пух сквозного серебра.
Где была в саду дорожка,
Стала белая гора.

Рыжий кот, глаза сощеля,
Тянет песню у огня.
Улеглись мои метели.
Тихо в сердце у меня.

Золотой глазок лампы
Зеленеет сквозь стекло.
Ничего мне здесь не надо,
Мир всему, что отошло.

1913

Яхонтово

---

⁴³ «Запустил мое окошко...». *Яхонтово* – тульское село. Ср. запись в дневнике М.-М., сделанную после известия о смерти Пантелеймона Романова: «Так мало и бледно написалось о смерти Романова. Хотела отметить некоторые наши встречи, разговоры, некоторые из мыслей его. И не выйдет, чувствую. А ведь в прошлом был это друг. Были длинные прогулки ранней весной в Яхонтове (именно его крестной матери). Были зимние вечера там же, во время которых так много и доверчиво делился он со мной всем, что видел, слышал, передумал за свои 25 лет» (12 апреля 1938 г.).

«Всё бред и сон. Душа сломалась...»

Всё бред и сон. Душа сломалась
И тяжко мечется во сне.
И это было иль казалось,
Что сердце в саван облекалось,
Что эшафот воздвигнут мне?

И это не было иль было,
Что властно руку палача
Твоя рука остановила,
И тьма, бледнея, отступила,
И жизни вспыхнула свеча.

И снова бури задувают
Дыханье робкое свечи,
Где сон, где явь – душа не знает,
Душа во тьме не различает,
Где Ты, где Бог, где палачи.

[1913]

«Тяжела работа Господня...»

Тяжела работа Господня,
И молот Его тяжел.
Но день, где грозное имя «сегодня»,
Милостью Божьей прошел.

Если мы его пережили,
Нам жизнь еще суждена,
Но, помни, о, друг, мы еще не испили
Гефсиманской чаши до дна.

1913

«Ты дал нам белые одежды...»

Ты дал нам белые одежды,
Крестил водою и огнем,
Твои нетленные надежды
На сердце выжжены моим.

Зачем же взор склоняет долу
Моя причастница-душа
И у Господнего престола
Безмолвно никнет, чуть дыша?

О, Боже, в день преображенья
Ты дал узреть ей горний свет,
Но в мире дольного свершенья
Ей части нет.

1913

«Чужой души таинственный порыв...»

*Полоски бледные зари
Как след недавнего недуга
И знак, что мы с тобой внутри
Неразмыкаемого круга.*

Блок

Чужой души таинственный порыв⁴⁴,
Священный страх у храма запертого.
Ее младенчески молитвенный призыв
И первой нежностью обвеянное слово.

Зачем так больно мне? Какой безумный круг
Неразмыкаемых погибших упований
Душа испуганно почувствовала вдруг,
На зов чужой души ответствуя молчаньем.

Как поле мертвое во сне Езекииля,
Былое ожило в стенаньях и тоске,
И оттого рука моя забыла

---

⁴⁴ «Чужой души таинственный порыв...». Эпиграф – неточная цитата из стихотворения А. Блока «Ужасен холод вечеров...» (правильный текст: «Холодная черта зари – / Как память близкого недуга / И верный знак, что мы внутри / Неразмыкаемого круга»). *Как поле мертвое во сне Езекииля* см. Книга пророка Иезекииля. 37, 1-14.

Ответить «нет» его пылающей руке.

1913

«Держи неослабной рукою...»

*Держи крепко, что имеешь,
дабы не восхитил кто венца твоего.
Откровение Иоанна. III, 11*

Держи неослабной рукою⁴⁵,
Высоко держи наш венец
Над темною бездною морскою,
Над ужасом слова «конец».

Венец сохранивший – у Бога
Не раб, а возлюбленный сын,

На подвиг твой призванных много,
Избранник один.

1913

---

⁴⁵

«Держи неослабной рукою...». Цитата из «Откровения Иоанна Богослова» (полный стих: «Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего»).

«Каким безумием движенья...»

*Я в мире всё быстрее и быстрее.
Ив. Коневской*

Каким безумием движенья⁴⁶
Окрылена душа моя?
Встают ли райские виденья
Пред ней за Гранью бытия?

Иль ждут ее воспоминанья
О жизни в прахе и в пыли,
О темном жребии изгнания
Средь чуждых ей пустынь земли?

---

⁴⁶ «Каким безумием движенья...». Коневской Иван Иванович (наст. фам. Ореус; 1877–1901) – поэт-символист. Эпиграф – измененная цитата из стихотворения Коневского «Genius» (1899): Не хочу небывалого, нового существования. Я влюблен и в земные породы, и в зелень дерев. Но мучительно-тягостно тело, его основания И тяжелая кровь. И за юною птицей, что плавает в шири Тех великих воздушных морей, Я давно унести́ся пытаюсь... Я в мире Всё быстрее и быстрее! На земле – там и соки дубрав, там и трав ароматы, Там и шум плодоносно-кипящей весенней любви. Этой жизненной страстью и в воздухе жилы объаты. Но меня ты к себе не зови: Я и сам налечу на тебя, вселюбивая дева, О рабыня всей тяги трудов! Но тогда же услышишь в поднебесье взмахи напева, Что свободен от нежных тисков. В год создания стихотворения М.-М. С. Бобров писал об И. Коневском: «Поэт сей теперь, через какие-нибудь 11 лет после своей смерти – забыт, забыт совершенно. Знать пару стихотворений его из старых альманахов – это редкая утонченность» (Бобров С. О лирической теме // Труды и дни на 1913 год. Тетрадь 1 и 2. С. 135).

Или от них она стремится
В ужасной скорости своей
Туда сокрыться, где присниться
Уж ничего не может ей?

1913

СЕВАСТОПОЛЬ

«Слава павшим, слава убиенным» —
На гробнице четкие слова
Осеньет миром неизменным
Кипарисов дымная листва.

Известково-палевые дали
Беспощадно выжженных полей
И лилово-белые эмали
Знойной бухты, полной кораблей,

Сочетавшись в гимне отдаленном,
Панихиду вечную поют:
«Слава павшим, слава побежденным».
Струны сердца отклики несут.

1913

НОЧЬ⁴⁷

[перевод из Микеланджело]

Мне сладко спать, но слаще умереть
Во дни позора и несчастья.
Не видеть, не желать, не думать, не жалеть —
Какое счастье!
Для этой ночи нет зари.
Так не буди меня —
Ах! Тише говори!

[1913?]

---

⁴⁷ **Ночь** («Мне сладко спать, но слаще умереть...»). Записано в дневник 30 июня 1952 г. с пометой: «Мой перевод в дни моего увлечения перев<ода>ми сонетов М. Анджело». В 1913 г. вышел выполненный М.-М. перевод объемной монографии Г. Грима «Микель-Анджело Буонарроти» (СПб., 1913–1914. Т. 1).

«Как зрелый плод на землю упадает...»

Как зрелый плод на землю упадает⁴⁸,
Огонь небес преобразив в зерно,
И гибелью паденья не считает,
Так умереть и мне, быть может, суждено.

Уже огонь последнего свершенья
Коснулся моего склоненного стебля,
И жаждет дух освобожденья,
И кличет сердце мать-земля.

1914

---

⁴⁸ «Как зрелый плод на землю упадает...». Записано в дневнике 2 января 1950 г. с пояснением: «Сердце здесь <...> как залог так называемого “счастья”, как вместилище “страстей” и “похотей”». В копии О. Бессарабовой, сделанной в 1930-е годы, есть отличия: *последнего* стебля, жаждет дух *преображенья*.

«В полярный круг заключена...»

В полярный круг заключена⁴⁹
Душа, отпавшая от Бога.
Средь ледяных пустынь она,
И в Ночь, и в Смерть ее дорога.

Но кто посмеет ей сказать,
Что круг полярный не от Бога?
Быть может, гибель – благодать,
И Ночь и Смерть – ее дорога.

1914

Воронеж

---

⁴⁹ «В полярный круг заключена...». В дневнике 26 января 1953 г. стихотворение записано с заменой некоторых слов: начало 3-й строки: «Меж ледяных», конец 5-й строки – «посмеет утверждать», конец 8-й строки: «к Нему дорога».

«О, каким несчастным и преступным...»

О, каким несчастным и преступным
Ты бываешь, сердце, полюбя,
И само становишься подкупным,
И судьба спешит предать тебя.

Но ясна в покое величавом,
Как луна над выюгою степей,
Ты, чей свет – безумия отрава,
Ты, любовь, владычица скорбей.

И, когда развеяв все надежды,
Сердце в белом саване умрет,
Ты одна мои закроешь вежды,
Улыбаясь с высоты высот.

1914

Москва

«Птицей залетной из края чужого...»

Птицей залетной из края чужого⁵⁰
Лечу я в твоей стране.
Ты зовешь меня в храм. Но храма земного
Не нужно мне.

Медно-багряные тучи заката
Осенили мой путь багряным крылом.
Помяни усопшего брата
Во храме твоём.

1914

Тула

---

⁵⁰ «Птицей залетной из края чужого...». В дневнике 19 февраля 1948 г. это стихотворение записано по памяти с изменением в конце 6-й строки: «прощальным лучом» и пояснением: «оно посвящалось другу-спутнику моему Михаилу [Шуку. – Т.Н.] – в один из периодов 12-летнего сопутничества нашего, когда, как ни пленял храм, который мы внутренне пытались воздвигнуть, как дело и как цель нашей жизни, я больше всего начинала чувствовать себя “залетной птицей” – вообще на этом свете».

«Разве сердце наше знает...»

Разве сердце наше знает,
Что находит, что теряет,
Где его Голгофский путь?

Кто его иссушит страстью,
Кто оденет царской властью,
Кто велит ему уснуть?

Нет написанных заветов,
Нет обещанных ответов,
Безглагольна неба твердь.

Мера жизни – лишь терпенье,
Мера смерти – воскресенье,
Сердца мера – только смерть.

1915

Москва

«Зачем говорить об уродстве жизни...»

Зачем говорить об уродстве жизни,
Когда мы и сами уроды?
Не братья ль нам гады, и черви, и слизни,
Не наша ль стихия – стоячие воды?

Так мало значат наши взлеты,
Бессильные взмахи бумажных крыл
Над черной зыбью и рябью болота,
Где спит непробудный творения ил!

Так мало значат наши дерзания,
И все обеты, и все слова,
Пока не угаснет в душе алкание
Того, чем болотная слизь жива.

1915

Москва

«Лестница моя шатается...»

Лестница моя шатается.
Один конец в небесах,
Другой конец упирается
В земную глину и прах.

Земля под ней зыбучая
Скользит и дрожит,
А вверху за тучею
Божий гром гремит.

Ангелы мои хранители,
Святые стрелы огня!
Не достойна я вашей обители,
Покиньте меня.

1915

Москва

«О, как мне странно, что я живу...»

О, как мне странно, что я живу⁵¹,
Что эти стены – мое жилье,
И всё, что есть – всё наяву,
И жизнь, и ты, и сердце мое.

О, как мне чужд докучливый стук
Его биений глухонемых,
Его слепых горячих мук.
О, как мой мир внемирно тих.

И нету слов, чтоб рассказать
О том, где я и что со мной,
И смерть ли это иль благодать,
Иль сон о жизни прожитой.

[1915]

Москва, Заглухино

---

⁵¹ «О, как мне странно, что я живу...». В списке Бессарабовой, по-видимому, описка: 1913. Датируется по окружающим это стихотворение текстам 1915 г. *Зажлухино* (Верхнее Заглухино) – деревня в Тульской области.

«Я знаю ужас низвержения...»

Я знаю ужас низвержения⁵²
С недостижимых высот.
Я знаю рабское смирение
Тех, кто в отчаянии живет.

Я знаю сумрак безнадежности,
Всё затопившей впереди,
И сталь холодной неизбежности
В живой и трепетной груди.

И все слова, и все сказания
О том, как, жизнь утратив, жить.
Предел достигнув познания,
Хочу не знать, хочу не быть.

1915

---

⁵² «Я знаю ужас низвержения...». Это и последующее стихотворения под номерами V, VIII входят в один цикл, не имеющий названия, посвященный Михаилу Ивановичу Лаврову (1877–1915), погибшему при катастрофе самолета «Илья Муромец», сбитого зенитной батареей во время Первой мировой войны.

«Могильное упокоенье...»

Могильное упокоенье⁵³,
Курганы выжженных степей,
И пепел вечного забвенья,
И чернобыльник, и репей.

Душа не верит, что когда-то
Была здесь жизнь, цвела любовь,
И, лютой казнию объято,
Сгорало сердце вновь и вновь.

Такое мертвое, чужое
В стекле вагонного окна
Твое лицо глухонемое
Прошло, как бред чужого сна.

---

⁵³ «Могильное упокоенье...». В дневнике от 18 июня 1949 г. записано с переменами во 2-й («курганы синие»), в 7-й («и жгучей пыткой объято») строках и пояснением: «О неправдоподобном моем «романе» с доктором Петровским» через год или два после разрыва с ним» (связь длилась 4 года (с ее 32-х), от Петровского М.-М. мечтала иметь детей, но он был женат и однажды написал ей: «Меня пленила и пленяет душа Ваша (!), но любовь и страсть тела – мой злой демон – и поскольку Вы будите его во мне, я должен от Вас отдалиться»): «Этот “бред чужого сна” никогда не вспоминается и встает в памяти души лишь отвращением к этому бреду (даже не к герою его, а к своей роли в этом “бредe”)). Сложно согласовать датировку стихотворения, вытекающую из этого автокомментария (около 1907 г.), с фиксированной датой (1915 г.) в записи О. Бессарабовой.

[1915]
Москва

МОНАСТЫРСКОЕ⁵⁴

I. ЧЕРНИЦЫ

1. «С колокольни нашей высокой...»

С колокольни нашей высокой
О Пасхальной седмице звон
По степям разнесется далеко,
Залетит и на тихий Дон.

---

⁵⁴ Стихи, составившие книгу «Монастырское» (М.: Костры, 1923), датируются 1915 г. (эта дата напечатана под последним стихотворением, что, вероятно, указывает на дату создания стихотворений всех книги). Книга отпечатана в типографии «Товарищества Книгоиздательства Писателей в Москве», в количестве 1500 экз. Обложка работы М.В. Фаворской; марка издательства работы Н.Н. Вышеславцева. В 1994 г. книга была переиздана О.Б. Кушлиной (СПб.). Автографов и списков в архивах М.-М. и О. Бессарабовой не сохранилось. Печатается по экземпляру, принадлежавшему Е.Я. Архиппову (ныне в собрании Л.М. Турчинского), с исправлением явных опечаток. Литераторы в оценке книги разошлись. Исключительно высоко ценил ее поэт А.В. Звенигородский: «с нею не расстанется – она у него всегда в боковом кармане сюртука», – писал Д.С. Усов в 1927 г. (Усов Д. С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2. Письма. Изд. подгот. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 440). «Слабыми стихами» назвал книгу в письме 1923 г. к Шестову Гершензон (Гершензон М. О. Письма к Льву Шестову (1920–1925). Публикация А. д'Амелиа и В. Аллоя. Минувшее. Вып. 6. М., 1992. С. 291).

На Дону в селенье Расстанном
Выйдет Ваня с женой молодой.
Помяни черничку Татьяну,
Как заслышишь колокол мой.

2. «Кудрявый плотничек Гриша...»

Кудрявый плотничек Гриша
На припеке спит, на песке.
Уснуть бы ему под вишней
В моем цветнике.

Строгая мати Аглая
О полдне идет к[о] сну.
Занавеску бы отвела я,
Села бы шить к окну.

Всё глядела бы, как он дышит,
Как уста раскрылись во сне...
Прости меня, Господи, Гриша
Сегодня приснится мне.

3. «Вчера полунощное бдение...»

Вчера полунощное бдение
Служил отец Автоном.
Три года сестрица Евгения
Умирает по нем.

Пояса расшивает шелковые,
Его матушке розы дарит,
Отец Автоном хоть бы слово ей,
В сторону даже глядит...

Вчера на полунощном бдении,
Как только ворота он раскрыл,
Прошла я пред ним, как видение,
Со свечою, в дыму от кадил.

На миг наши очи скрестились,
Сурово нахмурил он взор,
Но точно ко мне возносились
Его возглашенья с тех пор.

И как будто следил с опасением
Он за пламенем свечки моей.
Расскажу сестрице Евгении:
Поплачем вместе с ней.

4. «Господи Иисусе Христе! Мать Христодула...»

Господи Иисусе Христе! Мать Христодула,
Благословите горох голубям.

— Что это, Аннушка, только я уснула,
Не даешь ты покоя дверям.

Словно в миру егозишь с голубями,
Вот тебе горох, а вон там и порог.
Промаялась целую ночь с просфорами,
Без поясницы лежу, без ног.

Чернобровая Аннушка рассыпает
Горох на тающий снег сквозной,
Голубей с берез, с колокольни сзывает,
Любуется стаей цветной:

Сизые, белые, рябоватые,
С голубым, с кирпичным пером,
Эти гладкие, те — мохнатые,
А любимчик с хохолком.

Клюют, воркуют, целуются;
Любимчик утешней всех.
Сам архиерей на них любитесь.

Божьей птице любовь не в грех.

5. «На дверях у них три пустые катушки...»

На дверях у них три пустые катушки⁵⁵.

Это вывеска – шьют белье.

Три белошвейки-подружки

Поровну делят доход за шитье.

Честно записывает грамотная Даша:

Пять копеек булка, восемь сетки,

Три с половиною гречневая каша,

Нитки, иголки, шнурки.

Беленькая Даша тонко распекает

Стихири хвалитные, тропари,

В майские вечера тихо вздыхает,

Не может уснуть до зари.

Старшая Фленушка о земном забыла,

Ей бы только купчихам угодить —

---

⁵⁵ «На дверях у них три пустые катушки...». Предположительно: одна из Даш – опечатка, правильно: Маша («три белошвейки» – Даша, Маша и Фленушка). Формы «стихири», «вечеры» с нарушением современных Мирович грамматических норм (правильно: «стихиры», «вечери»).

Кашляет всю ночь, шьет через силу,
Не ленится к ранней обедне ходить.

В крохотной келье тепло, приветно,
Белые постели, пол как стол.
В послушании годы бегут незаметно —
Фленушке пятый десяток пошел.

6. «Радуйся, Невеста, Невеста Невестная...»

Радуйся, Невеста, Невеста Невестная!
Венчик Тебе вышьем мелким жемчугом,
Уберем Владычицу – Заступницу Небесную
Белыми ромашками, синим васильком.

Матушка Ненила накроила розанов.
Слова нет, что в розанах больше красоты,
Только не пристали розы Богородице:
Приснодеве к личику девичьи цветы.

Хвалят Тебя ангелы-архангелы небесные!
Чрево Твое – небо, Сын Твой – сам Господь.
Радуйся Невеста, Невеста Невестная,
Просвети и нашу темную плоть.

7. «Всю ночь нынче соловушек...»

Всю ночь нынче соловушек⁵⁶
На калиновом кусту щебетал.
На полу моей келейки месяц
Серебряный плат расстилал.

Синелевый куст за оградой
Как облак вставал голубой,
В часовне у брамы лампада
Разгоралась зеленой звездой.

Вишня в уборе невестном
Под окном отряжала свой цвет.
В такую-то ночь с благовестием
Архангел летел в Назарет.

8. «Звонко плещется ведро...»

Звонко плещется ведро
В глубине колодца черной;
Быстрых капель серебро

---

⁵⁶ «Всю ночь нынче соловушек...». *Синелевый куст* – куст сирени. *Брама* – ворота.

На кайме пушистой дерна.

Напоили резеду,
И гвоздики, и левкой.

У игуменьи в саду
Маки в огненном бреду
Славят царствие земное.

У колодца шум растет,
Словно улей в час роенья:
Лизавета в мир идет,
Замуж дьяк ее берет —
Искушенье! Испушенье!

II. НЕВЕСТЫ ХРИСТОВЫ

1. «Зашумели снега ручьями узывными...»

Зашумели снега ручьями узывными⁵⁷,
Омыли корни водами живыми,
Голосами птичьими, переливными
Славит дубрава Воскресшего Имя.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

Все деревья званые и все избранные
Вчера были сирыми и нагими.
Сегодня уборы на них сребротканые
С подвесками жемчужными и золотыми.
Обновляйся, новый Ерусалиме!

На могилах травы умильно зеленые
Рвутся из-под камня с вестями благими,
Чует сердце мое вознесенное
Новую весну за веснами земными.
Обновляйся, Новый Ерусалиме!

---

⁵⁷ «Зашумели снега ручьями узывными...». *Узывный* – от «узывать», являющегося окказиональным синонимом глагола «звать».

2. «Душа моя – свечечка малая...»

Душа моя – свечечка малая
Перед иконою Спасителя темною.
Сегодня она пасхальная, алая,
Вчера была – страстная, зеленая.

Вчера омыло ее покаяние,
Омыло чистой водой, нетленную,
И стало радостью испытание,
И радость стала совершенною.

Лучится мой дух, слезами теплится,
Огарочек малый перед иконою.
Сейчас догорит и опять засветится
Страстнóй – покаянной свечой зеленою.

3. «Сказывают в песнях, сестрица Мариша...»

Сказывают в песнях, сестрица Мариша,
Про земную любовь поют соловьи,
А я всегда в их щебете слышу,
Что мало и им земной любви.

Слыхала я тоже: в лунные ночи
Иных мечтанья плотские томят.
– А мне, как закрою очи,
Всё невидимый видится Град.

Рассказать про него не умею,
Но в снах я в нем живу
И, проснувшись, одно лелею:
Узреть его наяву.

Скоро уж смертушка милая
Мне двери к нему отопрет:
Сама я и от роду хилая,
И кашляю третий год.

4. «Послушание наше – идти по крапиву...»

Послушание наше – идти по крапиву.
Две корзинки с верхом набрать.
Аннушка нынче ленива и сонлива...
Угнездилась под елкой спать.

Скоро за двоих я урок скончала.
Лес-то, лес как шумит!..

Сколько бы плоть ни отдыхала,
Душа всё равно не спит.

То она – колокол на колокольне,
То она – страж у белой стены,
То кружит над теми, кому душно и больно,
То разгадывает сны.

И еще есть дела безымянные,
Конца им не может быть.
Спит Аннушка в елке, как розан, румяная,
Надо бы, да жалко – будить.

5. «В третьем годе...»

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я в роде
Порченой какой.

Голова болеть начинает —
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу – поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли – вдруг зажигается
Вокруг звезда за звездой,

В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними потом воссияет,
Невидимые хоры поют —
Не то меня хоронят, не то венчают,
Не то живую на небо несут.

И так я эту головную боль любила,
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно лечила —
Так и пропали мои огоньки.

6. «Лампады алой моей сияние...»

Лампады алой моей сияние,
Как сердца пронзенного кровь,
Перед Спасом Благого Молчания
Зажигает любовь.

Всё, чем сердце пронзенное полно,
Всё, чего не постигнуть уму —
Тебе, Господи, Спасу Безмолвному,
Тебе одному.

7. «Не грустите, милые сестрицы...»

Не грустите, милые сестрицы,
Что березки в сережки убрались,
Что по-вешнему запели птицы
И ручьи с гор понеслись.

Много весна обещает,
Да обманно ее естество,
Как дым, проходит и тает
Образ мира сего.

Недаром Спаситель мира
Земные утехы презрел,
Не оделся в виссон и порфиру,
Где голову приклонить – не имел.

Догорайте, зори хрустальные,
Доцветай, весна!
Не грустите, сестрицы мои печальные,
Что дорога к Богу тесна.

III. РЯСОФОРНЫЕ⁵⁸

1. «Ударила в колокол мать Аглая...»

Ударила в колокол мать Аглая⁵⁹,
К ранней обедне время идти.
Всю долгую ночь не спала я,
Читала «Спасенья пути».

Спасутся праведники, пустынножители,
Мудрые девы, святые отцы,
Священномученики, церковноучители,
Вся верная паства до последней овцы.

Но в книгах священных нигде не сказано,
Чем нераскаянный дух обелить,
И то, что печатью смерти связано,

---

⁵⁸ **Рясофорные.** *Рясофор* (рясофорная послушница) – носящая рясу, первая степень монашеского пострига. При пострижении в рясофоры послушник изменяет свое мирское имя и даёт единственный обет – послушания. Рясофорный послушник (рясофорная послушница) сохраняет мирское имя и волен в любое время прекратить прохождение послушничества и вернуться к прежней, мирской жизни, что для монаха, по православным канонам, уже невозможно.

⁵⁹ «Ударила в колокол мать Аглая...». *Воскрылия* – подол верхнего церковного облачения священнослужителей.

Может ли жизнь разрешить?

И кто согрешил без покаяния,
Кто вольною смертью запечатлен,
Спасут ли того любви воздыхания
И всё, чем ангельский чин силен?

Рясы моей воскрылия черные!
Скорей бы в незнаемый путь улететь...
Устало сердце мое непокорное —
Устало скорбеть.

2. «Росами Твоими вечерними...»

Росами Твоими вечерними⁶⁰
Сойди, Сладчайший Иисусе,
На волчцы мои и тернии,
На каменное мое нечувствие.

Не вижу света закатного,
Не слышу церковного пения,
Как смоковница, Богом проклятая,
Засыхаю в постылом терпении.

---

⁶⁰ «Росами Твоими вечерними...». Смоковница, Богом проклятая – Матф., 21: 19; Дочь Иаира от смертного ложа воззвавший – Марк, 5: 21–24; 35–43; Лука, 8: 41, 42, 49–56.

Очи слепым отверзавший,
По водам ходивший Христос,
Дочь Иаира от смертного ложа воззававший,
Коснись меня чудом слез!

3. «В тонком виденьи мне нынче приснилось...»

В тонком виденьи мне нынче приснилось:
Входит Иванушка в келью мою.
«Ты, – говорит он, – Христу обручилась,
Я же тебя, как и прежде, люблю».

«Что ж, – говорю я, – мое обручение?
Некую тайну вместить мне дано.
– Он – как заря, ты – как снег в озарении.
Ты и Христос в моем сердце – одно».

Он говорит мне: «Пустое мечтание!»
Тут я открыла глаза.
Вижу – на небе зари полыхание,
В окнах морозовых веток сияние,
Льдинкой висит на ресницах слеза.

4. «За высокою нашей оградой...»

За высокою нашей оградой⁶¹,
Словно крин монастырского сада,
Процвела Мария-сестра;
Великая постница, молчальница,
Обо всех молитвенница и печальница.
И пришла ей уснуть пора.

Собрались мы к ее изголовью
С умилением и с любовью
Назидания некого ждать:
Когда праведный кто преставляется,
Превеликая изливается
На притекших к нему благодать.

Долго молча на нас глядела она —
Вдруг открыла уста помертвевые
И сказала с великой тоской:
— Много было молитв, и пощения,
И вериг, и церковного бдения,
А кончаюсь в печали мирской.

Не грехами томлюсь в покаянии,
Не молюсь о блаженном скончании,

---

⁶¹ «За высокою нашей оградой...». *Крин* — лилия.

Об одном лишь скорблю и ропщу,
Что у смертного ложа души моей
Нет единого, нет любимого,
И что всё я его не прощу.

5. «В мою келью неприветную...»

В мою келью неприветную,
В мой безрадостный приют
Каждый день лучи рассветные
Тот же благовест несут —

Про постылое, ненужное
Мне дневное житие,
Про унылое недужное
В мире странствие мое.

Но дождусь луча закатного —
На кресте монастыря
Засияет благодатная
Света тихого заря.

6. «Небеса нынче синие, синие...»

Небеса нынче синие, синие,

Как вишневый цвет облака,
Георгина моя на куртине
Вся в серебряной паутине,
Осенняя пряжа тонка, легка.

Веретенце мое кружится, кружится,
Но все тоньше – тоньше нить,
У колодца замерзла лужица.
Скоро сердце с небесным сдружится,
О земном перестанет тужить.

7. «Такая лежит она пригожая...»

Такая лежит она пригожая⁶²
В глазетовом белом гробу,
С Богоматерью личиком схожая,
Царский венчик на лбу.

Тень от ресниц колыхается —
Пламя свечи высоко —
И как будто уста усмеваются,
Что стало сердцу легко.

В облаках голубого ладана
Сокрылся земной рубеж...

---

⁶² «За высокою нашей оградой...». *Крин* – лилия.

Радуйся, радостью обрадованная,
Блажен путь, в он же грядешь.

IV. СТАРИЦЫ

1. «Глаша и Луша – такие насмешницы...»

Глаша и Луша – такие насмешницы —
Всё меня на смех поднять норовят.
Прости меня, Господи, великую грешницу,
Думаю давеча: «Пусть егозят,

Всё за ограду да за ограду —
Будет обители срам через вас».
Мысли такие подальше бы надо.
Сирин Ефрем, упаси от проказ

Эту глазастую Глашку глумливую.
Душеньку Божия Матерь блюдет.
Ангельский голос, как ангел красивая,
Впрочем, и светские песни поет.

Молодость – глупость. Прости меня, Господи,
Тоже и я ведь была молода,
В роце гуляла невенчаной с Костею,
Очень смешлива была и горда.

Старой вороной осмелились девушки
Вслед меня нынче назвать.
Господи, дай мне вперед не прогневаться,
Если услышу ворону опять.

2. «Ходила я, старица недостойная...»

Ходила я, старица недостойная,
К старцу юродивому Гордиану.
– Отче, – говорю я, – душа беспокойная,
Сердце многими скорбями пьяно.

Он же в ответ мне: будет похмелье,
Будет и вечный покой.
Жди терпеливее дня новоселия,
Скоро придут за тобой.

– Батюшка, смерть моя близко, у входа,
Как же мне черной пред Богом предстать?
– Плачешь? И плачь. Это Божья забота
Грех твой слезой отмывать.

Дал на прощанье просвирку мне черствую.
– Скинь, – говорит, – полдесяточка гирь.
Стало легко – на девятую версту
Шла, как летела, к себе в монастырь.

3. «Есть у нас могилка безымянная...»

Есть у нас могилка безымянная,
Меньше всех, и крестик победней.
Но такая мне она желанная,
Точно внучек или внучка в ней.

Крошки хлеба к ней ношу с обеда я,
Рассыпаю птицам дар святой.
Как иду ко всенощной, проводаю,
Навещу и с утренней зарей.

Раз она приснилась мне в сиянии,
Как в росе, в бурмицких жемчугах,
И над нею в белом одеянии
Ангелочек в золотых кудрях.

И сказал он так приветно: бабушка,
Ты ко мне ходи, не отставай,
И мою гробовую палатушку
В жемчуга пред Богом убирай.

4. «Золотые маковки обители...»

Золотые маковки обители⁶³

По-над ельничком мелькнули и пропали.

По крутым холмам к ней до ночи дойти ли мне?

Что-то ноженьки мои гудут, пристали.

Птичьи гласы правят повечерие.

Засинели дремы по кустам.

Дай мне, Господи, по вере и усердию

Крепость духу, силушку ногам.

Отзвонили звоны колокольные,

Отгорела в небе зорька алая.

Вы, луга, леса мои привольные,

Вы, былинки и букашки малые!

Новым слухом дух мой наполняется,

Тайнопевный слышу ваш канон,

Сердце песнью вашей причащается,

Как пасхальным хлебом и вином.

5. «Расписала Аннушка игуменье писанку...»

---

⁶³ «Золотые маковки обители...». *Повечерие* – церковная служба после ужина.

Расписала Аннушка игуменье писанку⁶⁴
Черною глаголицей: Христос воскрес!
По красному полю золотые листья,
Золотые гвозди, и копье, и крест.

Всё-то мы хлопочем, всё-то украшаемся,
Писанки да венчики, пасхи, куличи,
В этих куличах-то всё и забывается.
В сердце Божьей Матери стрелы и мечи.

Божий Сын во гробе, ангелы в смятении,
По церквям рыдальные гласы похорон,
Славят страсти Господа и Его терпение.
А у нас-то скалок, мисок перезвон.

6. «Гроздия белого инея...»

Гроздия белого инея⁶⁵
Алеют рассветным лучом.
С тобою, Господи, ныне я,
Во свете Твоём.

---

⁶⁴ «Расписала Аннушка игуменье писанку...». В авторизованной машинописи (Семейный архив Шиков и Шаховских) это стихотворение отличается от печатного последним словом 2-й строки: «воскресе» и заменой слов «Божьей Матери» на «Богоматери» в 8 строке.

⁶⁵ «Гроздия белого инея...». *Скиния* – древнееврейский переносной походный храм, шатер; здесь: обитель.

Гроздия белого инея
Истают при свете дня.
Покину я Твою скинию,
Но Ты не покинь меня.

Гроздия белого инея
Стекают на землю с высот.
Но из праха земного уныния
Твой луч меня воззовет.

7. «Вот и кончилось мое послушание...»

Вот и кончилось мое послушание.
Отжала полосыньку до конца.
Приими, Господи, мое покаяние,
Не отжени от Твоего лица.

Призри на долгое мое смирение!
А если гореть повелишь в аду,
Пошли мне для адовых мук терпение:
С именем Твоим во Ад сойду.

Глашенька, свечку зажги мне отходную,
Стань в головах, отпускную прочти —
Девичьи молитвы до Бога доходные,
Дурость мою и гневливость прости.

8. «Кладбищенской тропкой мать Феодора...»

Кладбищенской тропкой мать Феодора
Идет меж сугробных холмов,
Провожают ее лампадные взоры
Изумрудных, рубинных глазков.

Прилежной рукой подливает
Неугасимый елей,
Всех усопших по имени знает,
Крестит их на ночь, как малых детей.

«Здесь упокоилась мать Неонила».
— Многоболезненная была.
С ангельским терпением недуг сносила,
Отболелась и к Богу ушла. —

Тут приютилась сиротка Малаша,
Детский мор ее скошил.
Тут – Божья свечечка, радость наша,
Юродивенькой Луши прах опочил.

Вот – слепая старица Леопада,
Зрячая в Боге давно.

Ярче всех полыхает ее лампада,
Больше всех ей видеть дано.

Спите, могилки, белые, пушистые,
Отгоняет лампадный свет
Далеко от вас сны нечистые,
Суету сует.

ЭПИЛОГ

Вокруг пустыня снежная,
Сугробная волна.
Бездумная, безбрежная
Забвенья пелена.

Во благостном успении
Почиет жизни даль —
Земное устремление,
Греховная печаль.

Проснулись звезды млечные,
Сияют и горят.
За аркой их – Предвечного
Воздвигся Новый Град.

1915

Воронеж, Киев, Москва

[ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ 1928 г., ОТНЕСЕННЫЕ К КНИГЕ «МОНАСТЫРСКОЕ»]⁶⁶

«Матушка Сепфора стоит у плиты...»

Матушка Сепфора стоит у плиты.
Щи со сметком кипят, раскипаются.
Батюшка намедни: «Знаешь ли ты,
Как Моисея жена прозывается?»

– Где уж нам, – краской лицо залилось, —
Батюшка, простите, я ведь не начетчица.
Батюшка премудрый: Библию насквозь
Всю оттрубит и назад воротится.

«Ты, – говорит он, – Сепфора, и есть
Жена Моисея, ты, несуразная».
Сел и велел мне страничку прочесть,
Где про меня с Моисеем рассказано.

---

⁶⁶ [Два стихотворения 1928 г., отнесенные к книге «Монастырское»].
Кроме них, к «Монастырскому» примыкают: «Снилось мне, иду на
богомолье...» (1928) из цикла «Сны» и «Говорит мне тетка Пелагея...» (1929).

Надвое море он палкой рассék.
Воды как стены стоят нерушимые.
Господи, был же такой человек,
И жена у него, Сепфора. Любимая.

— ...Ой, покати́лась волна по плите...
Снеток за снетком разбегаются.
...Чуть позабудешься в грешной мечте,
На кухне беда приключается.

1 октября 1928

«Рассыпала четки черница...»

Рассыпала четки черница.
Смутилась, не знает, как быть.
«Начни-ка без четок молиться,
Вражонок того натворит...

Пока перенижешь все бусы,
Чего не нашепчет тут бес.
О, Господи мой, Иисусе,
Надену из Киева крест,

Почаевским ладаном буду
Анчутке курить на беду.
Успел, бедокур, напрокудить,
Трех бусин никак не найду».

10 октября 1928

СТИХИ 1916–1930

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Молнии с неба слетают⁶⁷.
Молнии землю пронзают
Синим, лиловым огнем.
В пламени сад твой и дом.

Не спасти колыбельку твою.
Баю-баюшки, баю-баю.

Тихая встала могила,
Крест над сыпучим холмом.
В мире почило, что было
Бурей, мечом и огнем,

Что сожгло колыбельку твою,
Баю-баюшки, баю-баю.

---

⁶⁷

Колыбельная («Молнии с неба слетают...»). Под списком стихотворения зачеркнуто: «Даниил Андреев (7 лет)» (что надо понимать как обозначение адресата стихотворения). *Даниил Леонидович Андреев* (1906–1959) – писатель, выросший в доме друзей М.-М. Добровых, духовно очень близкий ей человек, она называла его «зам. сын».

1916

Москва

«Зачем душа боится муки...»

Л. Шестову

*Если мы дети Бога, значит, можно ничего не
бояться и ни о чем не жалеть.*

Л. Шестов

Зачем душа боится муки⁶⁸,
К столбу костра пригвождена?
Вся жизнь минувшая порукой,
Что пытку вынесет она.

В былых мистериях страдания
Уже открылось ей давно,
Что нету врат иных познания,
Чем те, где сердце сожжено.

Страшиться ль призраков утраты
Того, что звали мы своим,

---

⁶⁸ «Зачем душа боится муки...». Шестов Лев Исаакович (1866–1938) – философ, литератор. О его отношениях с М.-М. см. послесловие. Эпиграф-неточная цитата из его книги «Апофеоз беспочвенности». Правильный текст: «Но если есть Бог, если все люди – дети Бога, то, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть». Без второго четверостишия стихотворение записано в дневнике 31 августа 1948 г. с переменной глагола в начале третьей строфы: «Бояться».

Когда огнем костра объята
Сама душа – огонь и дым.

А если вечное в ней было,
Она, отвеяв прах земной,
Из почерневшего горнила
Блеснет, как слиток золотой.

1916

«То нездешнее меж нами...»

То нездешнее меж нами⁶⁹,
Что лазурными крылами
Рвется ввысь из глубины,
Овеяая жизни сны,

Что звучит нам издалека,
Что поет у нас в груди
И горит звездой востока
Впереди.

Вечно то же, вечно внове,
Многолико и одно,
Не от плоти, не от крови —
Духом в духе нам дано.

1916

---

⁶⁹ «То нездешнее меж нами...». Это стихотворение дважды записано в дневнике 1950 г. с изменением в 4-й строке («Озаряя жизнь и сны») и пояснениями: «И чувствую моему, в котором главное было – жажда для моего женского существа (как смысла его существования) слиться с этим лознгринским “ты” – дала краски, какие у бедного Миши Ш<ика> были только отражением того, что было “корридой” чувств, каких я хотела для нас обоих» (7 января); «Такой любви и такой дружбы алкала душа моя, и был период, когда поверила, что, наконец, это желание сокровенное обретено, что оказалось иллюзией» (23 августа).

Оптина Пустынь

«Он поляной шел в часы заката...»

Он поляной шел в часы заката,
И за Ним нетленные снега
Расцветали жемчугом и златом,
Где ступала Господа нога.

Он прошел долиной бирюзовой
За черту смарагдовых небес —
Приклоняясь на Пути Христовом,
Засинел кадильным дымом лес.

И когда разверзлись невидимо
Перед Ним небесные врата —
Там запела арфа серафима
И взошла вечерняя звезда.

«Я бреду уединенно...»

Я бреду уединенно
В час предутренний, ночной
По тропинке, затененной
Монастырскою стеной.

Нет веленья затвориться
Мне в стенах монастыря.
Но к тебе мой дух стремится,
Света горнего заря.

У высокого обрыва
Рассекается тропа.
Всё, что суетно и живо,
Всё, чем жизнь была слепа,

Всё останется отныне
За предельною чертой.
Здравствуй, белая пустыня
Под рассветною звездой.

Февраль 1917

Звенигород

«Я иду одна тропинкой белой...»

Я иду одна тропинкой белой.
Под ногой моей кристаллы льда.
За чертой лесов заиндевелых
Золотятся в туче купола.

Тишины великой несказанной
На полях померкнувших печать.
Было больно, непостижно, странно,
Было страшно сердцу умирать.

А теперь под белым покрывалом
Спит оно и в зимнем сне своем
Помнит только город небывалый,
Над земным вознесшийся путем.

19 февраля 1917
Звенигород

«Бабочка крылом меня задела...»

Бабочка крылом меня задела,
Пролетела мимо глаз,
На плече, трепещущая, села
И взвилась, и в сумрак унеслась.

Где она? Куда, мой дух овея,
Смутной тайной спряталась она?
Из Аида пленная Психея
Иль из гроба вставшая от сна?

Или это весть о близком чуде,
О свободе, вечной и святой?
Я уйду, исчезну, я не буду
Никогда, нигде ничьей рабой.

[1917]

Киев

«Много ли нужно раненой птице?..»

Много ли нужно раненой птице?
Кусочек неба, кусочек земли,
Капля воды, через силу напиться,
И нужно, чтоб люди к ней не пришли.

Чтоб не коснулись крыла больного,
Дробинку в сердце не стали искать,
Чтоб не посмели ни вздохом, ни словом
Таинству смерти мешать.

[1917]

Киев

«Ливень, проливень. Шумные всплески...»

Ливень, проливень. Шумные всплески
На стекле дождевой занавески,
Молний яростный блеск.
Оглушительный треск
Исполинского грома
Близко-близко от нашего дома
Старый дуб расколол пополам.
Любо тешиться в небе громам!

[1917]

Киев

«Хорошо вечереющим лугом...»

Хорошо вечереющим лугом⁷⁰
Одному, навсегда одному,
Разлучившись с единственным другом,
Уходить в многозвездную тьму,

И дышать придорожной полынью,
И омыться душистой росой
Перед тем, как в небесной пустыне
Затеряться незримой звездой.

[август] 1917

Злодиевка

---

⁷⁰ «Хорошо вечереющим лугом...». *Злодиевка* – дача Тарасовых (Леониλλα Тарасова – подруга детства М.-М.) на Днепре, в 50 км. от Киева. Современное название Украинка (Трипольская ГРЭС). О намерении поехать в Злодиевку М.-М. сообщала О. Бессарабовой в письме от 1 августа 1917 г. (Бессарабова. Дневник. С. 218).

«Светлой, гордой и счастливой...»

Наташие

Светлой, гордой и счастливой⁷¹

Я во сне тебя видала
И молитвой усмиряла
Сердца трепет боязливый.

Ты во сне была царицей,
Вся в парче и в жемчугах.
Были глаз твоих зеницы
Как зарницы в небесах.

Я была рабыней пленной
И на твой приветный зов
Подняла глаза смиренно
От цепей и жерновов.

И, дивясь красе и власти,
Долу взор не отвела...
...И с улыбкою участия
Ты кинжал мне подала.

---

⁷¹ «Светлой, гордой и счастливой...». *Наташа* – Наталья Дмитриевна Шаховская-Шик (1890–1942) – историк, детская писательница, жена М.В. Шика. См. о ней в послесловии.

[1917]

Киев

«В сердце лезвие измены...»

В сердце лезвие измены
Вскрыло вновь былую боль.
Стали тесны жизни стены,
Снится даль надмирных воль.

Без желанья и преграды
Колесниц небесных ход,
Храма звездного лампы,
Чистых духов тихий лет.

1917

Киев

ОБЛАКО⁷²

Алле Тарасовой

Помнишь знаменье из света
В час закатный в облаках?
В жемчуг розовый одетый
Ангел Нового Завета
С арфой пламенной в руках.

Ангел, тающий на тверди,
В темно-блеклой бирюзе,
Был он гнев и милосердьё
И в молитвенном усердьи
Таял в радужной слезе.

И в лесу, в упавшем мраке,
Над волной немых песков
Вдруг раздался вой собаки,
И прочли мы в этом знаке
В тьму и пламень чей-то зов.

1917

---

⁷²

Облако («Помнишь знаменье из света...»). Тарасова Алла Константиновна (1898–1973) – актриса. См. о ней: Бессарабова. Дневник. (По ук.)

Злодиевка

«Он всех бесправней на земле...»

Л.И. Шестову

Он всех бесправней на земле,
Его схватили и связали,
Как Прометея на скале,
На камне быта приковали.

И дали меры и весы,
И малых страхов трепетанье,
И разделили на часы
Полет всемирного скитанья.

Но место есть, где он орел,
Где в непостижном раздвоеньи
Он крылья мощные обрел
И нет преград его паренью.

1917

Киев

«Слышен песен лебединых...»

М.В.Ш.

Слышен песен лебединых⁷³

За прудами дальний зов.

Успокойся, мой родимый,

Отдохни от наших слов.

Встали белые туманы

От уснувшего пруда.

Спи, мой светлый, мой желанный,

Успокойся навсегда.

Там, где нежно плачут ивы

Над кристальною водой,

Буду ждать я терпеливо

Дня свидания с тобой.

1917

Киев

---

⁷³ «Слышен песен лебединых...». *М.В.Ш.* – Михаил Владимирович Шик.

«Всё это сон. Любовь, борьба...»

Всё это сон. Любовь, борьба,
Возврат, и Смерть, и воскрешенье...
Молчи, Душа. Творишь, судьба.
Расти, могильное томленье.

Уж замер вздох в твоей груди,
Уж запечатана гробница.
Еще немного подожди,
И пробуждение свершится.

[1917–1918]

Киев

«Господи, высоко Твой престол...»

Господи, высоко Твой престол.
Долетит ли вздох моей молитвы?
Господи, последний час пришел.
Одолеет дьявол в этой битве?

Новой мукой, пламенем скорбей,
Закали еще мой дух лукавый
Иль сожги его рукой своей,
Но пускай не одолеет дьявол.

[1918]

Киев

«Как тень убитого от места не отходит...»

Как тень убитого от места не отходит,
Где кровь его лилась, где взяли жизнь его,
Так и моя душа и днем, и ночью бродит
Вкруг сердца твоего.

Что нужно ей в храмине тленья,
Следов ли ищет крови пролитой
Или укрыться хочет на мгновенье
От вихрей стужи мировой?

Мой дух о ней, как о тебе, не знает,
Кто жив, кто мертв, и где ваш бедный прах.
Он в каждом взмахе крыльев улетает
Туда, где Солнце Солнц сияет
Ему в нездешних небесах.

[1918]

Киев

«Не задуй моей лампы...»

Не задуй моей лампы,
Не гаси моей свечи,
Дел не надо, слов не надо.
– Веруй, мучайся, молчи.

Только в смерти Божье слово
Разрешит нас до конца
От меча пути земного,
Нам пронзившего сердца.

[1918]

Киев

СТАРОСТЬ⁷⁴

Ночи стали холоднее,
Звезды меньше и бледнее,
Все прощания легки,
Все дороги далеки.

Крики жизни дальше, тише,
Дым кадильный вьется выше.

---

⁷⁴ **Старость** («Ночи стали холоднее...»). В дневнике 18 ноября 1952 г. М.-М. вспоминает первое четверостишие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.